Вызовите посла

Автор:
Ирина Дегтярева

Вызовите посла

Ирина Владимировна Дегтярева

Следователь Олег Ермилов

В жизни сотрудника ФСБ России полковника Олега Константиновича Ермилова грядут очередные перемены. И виной тому – неожиданно возникшая на горизонте Ермилова журналистка Олеся Меркулова. Она только что вернулась из командировки в США, где к ней обратился ее давний знакомый американский журналист Майкл Моран. Он предложил Олесе сделать совместный репортаж о неком Александре Петрове, бывшем гражданине СССР, получившем в Союзе срок по статьям «шпионаж» и «предательство», затем благополучно эмигрировавшем в США, а сейчас отбывающем наказание в одной из федеральных тюрем Сиэтла. Моран предлагает снять фильм о Александре Петрове на русском и английском языках. Со своей стороны, он готов организовать свидание с заключенным в тюрьме, а Олесе необходимо собрать максимум информации о Петрове в России. Понимая, что вряд ли спустя десятки лет интерес к личности Петрова возник на пустом месте полковник Ермилов получает приказ заняться пересмотром его дела, расследованном контрразведкой много лет назад. Так Ермилов оказывается в эпицентре водоворота случайностей, которые, на самом деле, довольно логичны и закономерны, в чем и убеждается полковник, продвигаясь шаг за шагом в расследовании, превратившимся в нечто большее, чем просто проверка старых материалов.

Ирина Дегтярёва

Вызовите посла

Глава первая

2002 год, США, федеральная тюрьма Си-Так (Seattle-Tacoma) штата Вашингтон

Этот назойливый запах преследовал его день и ночь. Два сокамерника, негр и индеец, не источали благовоний. Особенно афроамериканец, так их тут в Штатах принято называть. У него кожа пахла как-то особенно.

Да плевать он хотел на то, что принято у янки! Он ради них рисковал собственной жизнью, благополучием, а что получил взамен? Сфабрикованное уголовное дело и вот эту камеру с белыми стенами и трехъярусной койкой. Эдакий сэндвич, где вместо хлеба – недобитый американцами индеец и так до конца и не ощутивший себя свободным от рабства негр, а он, Александр Петров, здесь в качестве уже не очень свежей начинки.

В сорок девять лет, когда половина жизни и даже большая ее часть пройдена, оказаться на нарах в чужих застенках – и это после десяти лет отсидки в Союзе!

В благословенные для него девяностые он смог покинуть преданную и проданную им за несколько тысяч рублей родину. Россия холодно отпустила его. Он запомнил провожавших его в аэропорту «Шереметьево-2» кагэбэшников. В их глазах было равнодушие, словно они видели перед собой мертвую гадюку, которая тем не менее пыталась их укусить. После его решения уехать на Запад они приглядывали за ним и, только убедившись, что он отбыл к своим хозяевам, вздохнули с облегчением.

«Ну и пусть служат, псы! – ворочался на койке Петров. – А те, кто поумнее, могут найти для себя занятие и получше, и поденежнее».

Когда только очутился в камере тюрьмы Си-Так в Сиэтле, он старался сделать все, чтобы выбраться. Заискивал перед охранниками, напросился на раздачу еды заключенным, рассчитывая на досрочное освобождение. А потом его отвели в кабинет к директору тюрьмы, и человек в штатском, не представившийся и вовсе не похожий на шерифа, сказал, что не стоит Александру усердствовать, его все равно не выпустят. Наоборот, срок будут только набавлять, подкидывая

контрабанду, которую «найдут» охранники.

Теперь Петров пенял на себя, что не спросил тогда, почему это он впал в такую немилость? Не возмутился беззаконностью происходящего. Его молчание выглядело как согласие с такой постановкой вопроса. Александр в самом деле догадывался о причинах подобного отношения…

Он испытывал отчаяние. Стоило так рисковать, встречаться с цэрэушниками под носом комитетчиков, юлить, сдавать американцам ценную информацию, чтобы получить от них в благодарность «жилище» три на три метра с двумя экзотическими подселенцами. Как в анекдоте: «Собрались трое – индеец, негр и русский…»

Маленький столик, жесткие койки, стены из крупных белых каменных блоков, мрачные черно-белые робы. Крошечное окно и спертый воздух. Некуда себя деть, нечем занять, нет возможности читать – у Петрова отобрали очки. А он и смолоду-то плохо видел.

Многие из местных сидельцев читать и вовсе не умели. Несколько книг, что тут были, зачитаны до дыр. А когда Петров сидел в тюрьме в Союзе, тамошняя библиотека поражала количеством и разнообразием книг. «Еще бы! – усмехался он своим мыслям. – СССР – самая читающая страна! Читали даже зэки».

Однако больше всего изводило осознание замкнутого пространства. Это осознание находило волнами, он слышал его как шорох волн почти спокойного утреннего моря. Его душила безысходность.

2002 год, г. Москва

…По саванне бежал жираф. Вдалеке, почти у самого горизонта. Его голова подавалась вперед, когда он вскидывал тонкие ноги. Шея раскачивалась вперед-назад довольно нелепо, но бег этот казался парадоксально грациозным, если присмотреться.

Чуть ближе росла высокая пальма с изогнутым серым чешуйчатым стволом с листьями на вершине, словно собранными в хвост. Ее перистые ветки метались из стороны в сторону, будто от сильного ветра. Но ветра не было. Воздух

сосредоточился вокруг, сухой и горячий. Эта мечущаяся на несуществующем ветру пальма, и бегущий на заднем плане жираф, и террикон, оставшийся позади путника, создавали ощущение тревоги и душной безысходности, а не простора и свободы, как, по идее, должны были.

Вдруг возникли высокие белые ажурные ворота с каким-то смутно знакомым гербом на створках. К запаху сухой африканской травы, шуршащей под ногами, примешался запах металла и бензина. Путник заглядывался и увидел позади себя пыливший по саванне черный форд. Он выглядел тут даже более чужеродно, чем эти странные белые ворота. Машина довольно быстро приближалась, и за лобовым стеклом стало видно знакомое лицо. Оно увеличивалось, словно между путником и фордом поставили увеличительное стекло…

– Линли! – Олег мгновенно вынырнул из сна, ошалело уставившись на стену напротив кровати. Там висели большие круглые часы с белым циферблатом и надписью под стрелками «Федеральная служба безопасности России».

Их подарил бывший шеф, когда Ермилова перевели из английского отдела ФСБ в ДВКР[1 - ДВКР – Департамент военной контрразведки ФСБ России.] и в честь успешно завершенной разработки по Кедрову – советскому разведчику в ЮАР, с которым оборвалась связь много лет назад. Благодаря изысканиям Ермилова с довольно опасными командировками в Англию и в Африку удалось отыскать след, к сожалению, погибшего Кедрова, но успевшего спрятать документы по проекту «Берег». В этих документах содержалась крайне важная информация по химическому и бактериологическому оружию, созданному в рамках этого проекта.

Вместо приснившегося жирафа Олега сверлил карими преданными глазами Мартин. Не Борман, а бельгийская овчарка. Хотя Ермилов считал пса не меньшим вредителем, чем личный секретарь Гитлера.

Олег схватил пса за уши, потрепал легонько.

– У-у, фашистская рожа! – обозвал он ни в чем не повинного пса, желавшего всего лишь справить нужду на снежок в Филевском парке. – Хватит подлизываться!

Люська упорхнула в свою адвокатскую контору, сыновья-двойняшки Петька и Васька – в школу, а на главу семейства, выходившего из дома на полчаса позже остальных, возложили миссию прогулки с псом. Жена считала, что если Олег завел скотинку, то и раннеутренние прогулки – его забота. А мальчишки… Ну они считали своим долгом сбежать из дома пораньше, чтобы не гулять в еще темном зимнем парке.

В квартире батареи грели немилосердно. Да еще перед уходом Люська закрыла окно, чтобы благоверного не продуло. Оттого и приснился Олегу снова дурацкий жаркий сон с жирафом, саванной и терриконами (их Ермилов видел в ЮАР) и с неизменным черным фордом. В этом автомобиле, не во сне, а в жизни, преследовал Олега некий Ричард Линли, служивший резидентом MI6 на Кипре.

Год назад Ермилов попал в зону внимания этого опытного разведчика именно на Кипре, когда еще работал в Генпрокуратуре старшим следователем по особо важным делам и расследовал дело российского дипломата Юрия Дедова, связанное с финансовыми махинациями. Дедов на поверку оказался английским шпионом и покончил жизнь самоубийством, воспользовавшись случаем, когда его перевозили из обычного следственного изолятора в Лефортово и автозак попал в автомобильную катастрофу.

Линли очень обиделся на полковника Ермилова, выхватившего у него из-под носа ценного агента, которого Ричард самолично вербовал и курировал. Узнав, что Олег уже работает в ФСБ и пересек границу Великобритании, да еще по своим подлинным установочным данным, Линли открыл за ним охоту. Сперва в Лондоне, а затем и в ЮАР. Ермилов прилетел туда для встречи с Таназар – женой Кедрова. Она через посредника в Лондоне подбросила письмо в посольство России в Великобритании, в котором написала о существовании документов по секретному проекту «Берег».

Ермилову, прорываясь на такси в посольство России в Претории, пришлось чуть ли не штурмовать те самые белые ажурные ворота, чтобы спасти полученные от Таназар ценные документы и собственную жизнь. Бумаги он передал вализой на Родину, и они послужили основанием для присвоения звания Героя России Александру Кедрову, хоть и посмертно.

Все эти перипетии остались в прошлом, но настойчиво возвращались в тревожных снах. Олег знал, что это со временем пройдет. Ведь реже стала сниться Чечня, куда он ездил следователем Генпрокуратуры в служебную

командировку и где получил ранение, попав в засаду вместе с бойцами подмосковного СОБРа.

Пригладив перед зеркалом светло-русые волосы, редеющие быстрее, чем хотелось бы, Ермилов натянул куртку и повел Мартина в парк. Тут на пустынных дорожках, еще подсвеченных фонарями, затаились голубые рассветные сумерки и унылые собачники. Правда, попадались и бодренькие экземпляры в ярких спортивных костюмах. Они, пристегнув поводок собаки к поясу, бегали по дорожкам, излучая вокруг себя жар, облачка пара и спортивный энтузиазм.

Ермилов ежился, глядя на них, терся щекой о меховой воротник куртки, мечтая вернуться побыстрее домой и выпить кофе. Он никогда в жизни не ощущал себя оптимистом. Может, в силу того, что его недавняя профессия следователя требовала во всем сомневаться, кроме статей УК. Из-за своей природной мнительности, помноженной на упертость, он и стал одним из лучших следователей Генпрокуратуры. В нынешней работе в органах госбезопасности эти его качества пришлись как нельзя кстати.

Правда, он видел себя несколько в ином качестве, чем аналитик и законник. Мечтал об острых оперативных мероприятиях, но в военной контрразведке его чаяния не воплощались в жизнь, как и до этого в английском отделе. Олег все так же оперировал статьями уголовного кодекса и копался в старых делах отдела, в который его определили. Даже должность еще предстояло дожидаться – не было свободной вакансии старшего инспектора. Ермилов то и дело ворчал, что приобрел на этой работе аллергию на пыль.

Стоило толкаться локтями в прокуратуре, расследовать зубодробильные дела, маневрируя между криминалом, коррупцией, давлением сверху со стороны лиц, заинтересованных в отмазывании фигурантов, чтобы оказаться в ФСБ в роли заштатного статиста.

В прокуратуре трудно было оставаться чистым и не предать закон и дело, которому служишь. Приходилось порой идти на компромисс, чтобы добиться хоть какого-то результата. Эти компромиссы изматывали, приносили бессонные ночи, когда Люська кормила его пилюлями от головной боли и своими нотациями на тему: «Ты не должен так близко все принимать к сердцу. В конце концов, уходи в юридическую консультацию или в адвокатару». В ответ на такое возмутительное предложение Олег начинал бурно реагировать и переставал на какое-то время заниматься самоедством, чего и добивалась Людмила.

Когда он перешел в ФСБ, начались ночные бдения с новыми переживаниями. Теперь по поводу недоверия. После дела Кедрова пришло успокоение, но ненадолго. Перевод в военную контрразведку смял все его достижения в английском отделе. Они оказались довольно-таки эфемерными.

На новом месте на него снова смотрели с опаской, а то и прямо выражали недоумение. В самых мягких выражениях оно сводилось к вопросу: «Каким шальным ветром к нам занесло прокурорского?» Ермилов вначале пытался отшучиваться, что ветер был попутный, однако слышал в ответ на шутку еще более убийственное: «Что-то у нас в Конторе стали форточки открывать, кого только сквозняком не заносит».

Ермилов утешался, что всем еще покажет, как умеет работать, какой он специалист. Вел по ночам мысленные диалоги с недоверчивыми и заносчивыми коллегами по отделу, но успокоение не приходило. Каждый день на службу он шел как в бой.

Пожалуй, только поведение шефа позволяло робко надеяться, что недоверие со временем сойдет на нет. Полковник Петр Анатольевич Плотников не благоволил к Ермилову. Но поскольку вел себя одинаково ровно со всеми – это успокаивало.

С пронзительным взглядом голубых глаз, похожий прической на Ермилова, то есть с легкой залысиной в светлых с сединой волосах, и с очками на кончике носа, сквозь узкие стекла которых он читал документы и поверх которых насмешливо поглядывал на подчиненных, Плотников производил впечатление добродушного человека, может, таким и являлся для домашних. Но если ему что-то не нравилось в докладе подчиненных, то его голубые глаза становились холодными, взгляд делался тяжелым и возникало желание побыстрее унести ноги из его кабинета, довольно захламленного. Тут только сам Плотников и смог бы сориентироваться в стопках журналов и книг.

Однажды, сидя на совещании отдела, Олег стал вглядываться в корешки книг, лежащих на журнальном столике в углу кабинета и на полках. Его поразил удивительный разброс в темах, которые интересовали хозяина кабинета. Тут были и художественные книги – детективы, военные приключения, и справочники по оружию, огнестрельному и холодному, и военные энциклопедии, и мемуары маршалов – Плотников черпал информацию из всех источников, включая газеты и журналы, что кипами лежали на широком подоконнике. В

кабинете почти все время беззвучно работал телевизор, Петр Анатольевич лишь иногда включал звук, краем глаза заметив что-то его заинтриговавшее.

Бывший шеф Ермилова Сорокин вчера столкнулся с поникшим Ермиловым в коридоре Лубянки, похлопал его по плечу и, улыбнувшись, сказал:

– Олег Константиныч, напрасно киснешь. Разговаривал я с Плотниковым. Он тобой доволен. Чего ты как в воду опущенный? Просто нужно время, притрешься на новом месте. Я тебе больше скажу: после успешной разработки дела Кедрова Петр Анатольевич сам поднял вопрос о том, чтобы тебя перевести к ним в Управление и конкретно в его отдел. У него нюх на специалистов. Он мало того что их замечает, глазастый черт, так еще и умеет подкатиться к руководству, чтобы ему позволили перевести человека к нему. Умеет обосновать целесообразность такого перевода. Ему не хватало сотрудника, привыкшего работать с большим объемом документов и юридически подкованного. Я тебя охарактеризовал с самой лучшей стороны, а ты приуныл. Не дело!

После его слов Ермилов почувствовал прилив сил и сегодня с утра даже торопил Мартина на прогулке, чтобы побыстрее отправиться на работу. Словно после слов Сорокина что-то должно было измениться.

Снег в парке покрывала снежная корка после недавней оттепели. Под фонарями она поблескивала холодно, искусственно, словно и не снег это вовсе, а муляж вроде тех, что делают художники-декораторы в кино. Он хрустел под ногами, колол лапы Мартина и тот, бегая от скамейки к урне, от урны к стволу дерева, смешно поджимал то одну, то другую лапу, словно обжигался.

– Мартин! Давай в темпе! – уже сердито позвал Олег, поглядывая на часы и пожалев, что выскочил на улицу, накинув куртку на легкий спортивный костюм.

Утренний морозец не просто бодрил, а заставил прикрикнуть на Мартина, не желавшего подставлять шею в ошейнике, чтобы хозяин пристегнул карабин. Трусцой Ермилов перебежал Большую Филевскую и заскочил в квартиру, ощутив блаженное тепло. Вытер лапы Мартину тряпкой, тот скулил, поскольку не любил эту процедуру. Пес вырвался и побежал вытирать морду в сосульках о покрывало на диване.

Олег забыл мобильный телефон в кармане куртки и не сразу услышал звонок. А когда вытащил сотовый, то увидел на дисплее малоинформативную надпись «Журналист» – ни имени, ни фамилии. Под этим «позывным» он сохранил номер телефона Олеси Меркуловой – журналистки с телевидения. А так ее зашифровал в записной книжке, чтобы не раздражать жену, если ей под руку попадет его телефон. И ведь руки Люськи частенько простирались к его телефону…

– Да, – осторожно отозвался он в трубку, пытаясь предугадать, к добру или к худу этот ранний звонок. – Я вас слушаю.

– Олег Константинович, это Олеся Меркулова, если еще помните такую.

– Ну как же! Помню, – Олег закашлялся смущенно, поймав себя на том, что разговаривает котовским вальяжным голосом. – Давно не слышались, – он сразу же осекся, почувствовав, что его интонация прозвучала двусмысленно.

– Я тут побывала в Америке, в творческой командировке, ну, если честно, отдыхала. Совмещала приятное с полезным. И вот по этому поводу мне хотелось бы с вами встретиться и переговорить.

Ермилов помолчал, прикидывая, в чем подвох. Он и на прежней работе отличался осторожностью, а теперь и вовсе страдал подозрительностью. Начинал прикидывать варианты: «Почему она позвонила именно мне? Не о погоде же хочет разговаривать с сотрудником ФСБ. Еще не хватало налететь на интервью. Она начнет расспрашивать, а потом вдруг выйдет статья. Или снимет скрытой камерой. Журналисты такие штуки ловко проделывают. Правда, Меркулова при ее журналистской наглости вроде бы не из журналюг. Все-таки по мере сил соблюдает приличия. По делу Кедрова сделала отличный материал – так, как ей преподнесли, никакой отсебятины».

– По поводу поездки в Штаты? – осмотрительно уточнил Олег. – Хотите поделиться впечатлениями от турпоездки?

– Вы не поняли, Олег Константинович, – мягко и терпеливо сказала Олеся. – Я ездила в служебную командировку. И там возникла тема… Но мне хотелось бы поговорить лично.

– Думаю, вам лучше обратиться в ЦОС[2 - ЦОС – Центр общественных связей ФСБ.].

– И все-таки давайте встретимся, – настаивала Олеся. – Я у вас много времени не отниму.

– Да мне не жалко для вас времени… – начал было он.

– Вот и прекрасно. Где встретимся?

Ермилов вздохнул и назвал кафе, находящееся не так далеко от дома, и торопливо добавил:

– Только не взыщите. У вас будет максимум полчаса. Встретимся накоротке. Я тороплюсь на работу.

Ермилов зашел в кафе с мороза, и его окутало теплом и аппетитным запахом кофе и булочек с корицей. С досадой он подумал, что сейчас не удержится от второго завтрака, а на теннис последнее время удавалось ходить все реже. А булочки не улучшают фигуру при сидячем образе жизни.

Он увидел Олесю за столиком у окна. Она, по-видимому, только пришла, еще не сняла лиловую куртку и напоминала нахохлившуюся птичку с встрепанным хохолком из завитых крашеных блондинистых волос. Загорелая среди зимы. Олеся, не заметив Ермилова, начала снимать куртку, уткнувшись в листок меню, лежащий перед ней на столе.

Олег вспомнил о том, что Меркулова обладательница хорошего аппетита, и невольно улыбнулся, но тут же изобразил мину человека чрезвычайно занятого. Он высвободил часы из-под рукава куртки и, как только поймал взгляд Олеси, тут же демонстративно посмотрел на циферблат.

Журналистка проигнорировала его намек и похлопала по диванчику рядом с собой. Ермилов присел напротив, на самый краешек, словно собирался стартовать в любой момент.

– Что вы как неродной? – довольно нахально поинтересовалась Олеся и ткнула ему свою куртку через стол. – У вас за спиной вешалка. Поухаживайте за дамой.

«Оторва! – подумал Ермилов, пристраивая благоухающую духами куртку на крючок. – Небось клинья ко мне подбивать собралась. За этим и позвала под благовидным предлогом. А Люська считает меня увальнем. Главное, и мне об этом помнить…»

Однако Меркулова развеяла его надежды на легкий флирт.

– В Америке я была в Лос-Анджелесе, – она неожиданно без предисловий перешла к делу. – И не только там. Объездила почти все западное побережье. Добралась до северо-западной части, а в штате Вашингтон, в Сиэтле, со мной вдруг захотел встретиться один журналист. Я еще в Москве с ним познакомилась и…

– Каким образом он узнал, что вы в Америке? – перебил ее Ермилов, нахмурившись. – Вы ему сообщили заранее о своей командировке в Штаты?

– Вы так странно спрашиваете, – покосилась на него Олеся, оторвавшись от меню. – Я в принципе ни перед кем не отчитываюсь. Никогда. – Она взмахом руки подозвала официантку и, к неудовольствию Ермилова, начала заказывать много и аппетитно: и омлет по-баскски, и салат Цезарь, и тосты с клубничным джемом, и бекон – это с утра-то! Олег не удивился бы, узнав, что дома это хрупкое создание по утрам ест щи с мясом – так обычно деревенские мужики едят, перед тем как поле пахать. Меркулова же пашет журналистскую ниву и делает это весьма активно.

– Я не предлагаю вам отчитываться, я хочу понять, по какой причине он с вами встречался.

– Вы же торопитесь, а это долгая история, – с очаровательной издевкой улыбнулась Олеся.

Ермилов снял куртку и поставил локти на стол с таким выражением лица, что журналистка посерьезнела тоже. Но это ему только показалось. Она сунула Олегу в руки меню и предложила:

– Закажите что-нибудь, а то я, как пищевой алкоголик, не люблю есть в одиночку, – она снова улыбнулась, и Олегу показалось, что за бравадой она скрывает несвойственную ей растерянность.

Интуиция подсказывала ему о необходимости быстренько свернуть разговор и под благовидным предлогом уйти, чтобы не вляпаться в сомнительную историю (а то, что дело сомнительное, он смекнул, когда услышал словосочетание «американский журналист»). Изучая архивные материалы, Олег успел понять, что почти все случайности, как правило, тщательно спланированы чьей-то спецслужбой.

«Сейчас послушаю ее воркование несколько минут, а отписываться буду целый месяц, – обреченно подумал он, заказывая кофе. – И выговор схлопочу, как за Кедрова и за самодеятельность в ЮАР».

– Майкл Моран, ну этот американский журналист из «Нью-Йорк Таймс». Он мне позвонил, когда я была как раз в Сиэтле. И вот то, о чем он мне сказал, я бы хотела прояснить у вас. Ну может, не конкретно у вас, но в вашей Конторе. Он сказал, что в одной из федеральных тюрем, в Сиэтле, сидит некий Александр Петров.

– И что? У них по тюрьмам многие сидят из эмигрантов, – Ермилов слушал, опустив голову, складывая, разглаживая и снова складывая салфетку и пытаясь понять, к чему весь разговор.

Он имел привычку рисовать странные геометрические фигуры, особенно когда разговаривал по телефону и его не видел собеседник, и теперь страдал оттого, что в данной ситуации подобные его замашки могли вызвать недоумение, а то и улыбку циничной Меркуловой.

– Он бывший предатель, – многозначительно сказала она, подалась вперед, выставив в стороны острые локти, обтянутые узкими рукавами серой водолазки. – Предатель. Понимаете?

– Не совсем. И все-таки как вы познакомились с этим Мораном?

– Вы совершенно спокойно можете ко мне обращаться на ты, – разрешила она снисходительно. – Мне так удобнее.

– Зато мне не очень… – уклонился от опасного сближения Ермилов. – Так что насчет Морана?

– Вы – зануда. Вам об этом не говорили? Допытываетесь, как будто я уже у вас в застенках, – без тени кокетства или даже иронии урезонила его журналистка и принялась за еду, словно только за этим сюда и пришла. Однако через минуту она все же снизошла до ответа: – Мы встречались на одном светском мероприятии в особняке МИДа на Спиридоновке. – Заметив недоумение во взгляде полковника, Меркулова закатила глаза и пояснила: – Красивое такое здание. Про него еще до революции сочинили эпиграмму: «Сей замок навевает много дум, И прошлого невольно станет жалко: Там, где царил когда-то русский ум, Теперь царит фабричная смекалка».

– Я знаю, что там дом приемов Министерства иностранных дел, – вздохнул Ермилов, обреченно понимая, что он задержится тут надолго – у Олеси ни слова в простоте, все с подходцем. – Что вы там делали?

– А так журналистов туда пригласили. Ну и меня в том числе. Там и познакомились.

– Когда это было? – гнул какую-то одному ему понятную линию Ермилов. – Американец сам проявил инициативу?

– Слушайте, я вам совсем о другом хотела рассказать. Ну да, он сам подошел. Что тут такого? Там все друг с другом знакомились, не сидели, знаете ли, по углам.

– Это мероприятие состоялось уже после того, как вышел ваш материал о Кедрове?

Олеся заметно смутилась, начала что-то прикидывать в уме, явно догадавшись, к чему клонит упорный Ермилов.

– Вы хотите сказать, что он подошел не случайно? – она хмыкнула. – Похоже, я – мадмуазель очевидность.

Ермилов невольно отметил, что она назвала себя не мадам, обозначив свое свободное семейное положение. Он удивился неуместности посетившей его мысли и покраснел. Олеся восприняла это по-своему.

– Вы напрасно сердитесь, Олег Константиныч. Я с ним ни о чем таком не откровенничала, да и он не спрашивал ни про Кедрова, ни о том, откуда информация. Я уж не настолько легкомысленна, меня бы насторожили подобные расспросы. В нашей среде источники оберегают пуще зеницы ока, не слабее, чем в вашей Конторе, а то и более трепетно.

За окном кафе начал падать снег, стемнело, будто день и не начинался, а уже шел к завершению. Официанты включили круглые плафоны над столиками, и оранжевые шары выглядели большими елочными шарами в оконном отражении. Ермилов с беспокойством взглянул на наручные часы и вытащил из кармана мобильный. Набрал номер шефа.

– Петр Анатольевич, это Ермилов. Разрешите на час задержаться. Я доложу подробности, когда прибуду на работу.

– Дела семейные? – уточнил Плотников. – Или служебная необходимость?

– Второе, – Олег покосился на журналистку, не желая при ней вдаваться в детали.

Олеся тем временем взялась за круассаны. Казалось, ее интересовала только еда. Где в тщедушном теле столько всего умещается?

– Так о чем вы все-таки говорили с Мораном? – Ермилов отодвинул от нее тарелку с круассанами. Однако Олеся настойчиво придвинула ее обратно.

«Она, наверное, у американцев слопала все их гамбургеры, – подумал он, пытаясь вызвать в себе неприязнь к этой девице, но напротив проникался лишь большей симпатией. – Скорее всего, срабатывает инстинкт «накормить птенца», жалкого и беспомощного. Впрочем, этот «птенец» руку по локоть откусит. Стоило к ней обратиться с просьбой дать материалы по проекту «Берег», как она начала активно звонить и клянчить информацию. А теперь снова что-то хочет от меня. Наверняка у нее какой-то корыстный интерес. Понять бы еще, в чем подвох».

– Вы имеете в виду в Америке или здесь? В Москве то, что было при нашем знакомстве, сложно назвать беседой. Он нес всякую чушь. Переходил с английского на русский с ужасным акцентом. Говорил о нашем чудовищном климате, хвалил нашу кухню. Я тогда подумала, что он перебрал с выпивкой. Слишком много болтал. Я не знала, как от него отвязаться. Он сунул мне свою визитку и не отступался, пока я не дала ему свою.

Ермилов нахмурился. Он уже успел узнать эти приемы разведчиков. «Случайная» встреча на светском мероприятии для журналистов, знакомство, стремление Морана вручить свою визитную карточку и в ответ получить легально координаты Меркуловой, чтобы в дальнейшем мотивированно с ней связаться уже в Штатах, не вызвав у нее подозрений, – все это подготовительные действия, укладывающиеся в рамки обычной оперативной разработки объекта. И таким объектом стала Олеся, очевидно, из-за выхода ее статьи и видеорепортажа о советском разведчике Александре Кедрове, в котором содержались материалы, ставшие неожиданностью для западных спецслужб. В данном случае речь явно шла о ЦРУ.

– Может, вы ему понравились? – провокационно предположил Олег. – А что в Штатах? Моран позвонил и назначил свидание?

– Вот еще! – Олеся фыркнула капучино, которым запивала круассаны. На поверхности пенной шапки бармен нарисовал листок клевера, но после возмущенного выдоха Меркуловой клевер сдуло вместе с пенкой. – Он предложил навестить в тюрьме Александра Петрова.

– С какой стати он вам предложил с ним встретиться? Как он это объяснил? – понимая, что разговор подходит к самому главному, Ермилов сделал скучающий вид и спрашивал лениво, словно не слишком его интересовало, что ему ответят.

– Вот и я сперва удивилась. Он сказал, что может получиться интересный репортаж. Дескать, Петров – это бывший гражданин СССР, осужденный у нас по статьям «шпионаж» и «предательство».

– Госизмена, – машинально поправил Ермилов, смутно припоминая, что фамилия Петров действительно попадалась ему среди шпионов, разоблаченных его ведомством. Причем, если он правильно помнил, Петров был инициативником – неоднократно и настойчиво предлагал свои услуги американцам где-то в конце

семидесятых или даже в начале восьмидесятых. Как его занесло в Штаты? Наверное, удрал уже в девяностые.

– И вы поехали? – поразился ее беспечности Олег. – С едва знакомым американским журналистом. – Если он вообще журналист, мысленно добавил он. – В тюрьму к какому-то сомнительному типу.

– Меня занимает тема предательства, – вздернула плечи Меркулова.

– Вы – авантюристка!

– Я – журналистка, – поправила она его и тут же усмехнулась: – Что по сути практически одно и то же.

– И чем же вас привлекает эта тема?

– Хочется понять психологию подобных индивидов.

– А стоит ли? – У Олега лицо закаменело, даже его ямочка на щеке исчезла. – Это нарушение психики – желание предать Родину. И такие типы заканчивают либо в психушке, либо от пьянства погибают, либо влезают в уголовщину.

– Вы довольно категоричны, – она поглядела на него исподлобья с легким недоумением. – Я не думаю, что все так плоско. У каждого предателя были свои мотивы, чтобы предать.

– В том-то и дело, что мотивы могут быть и разными, но совершить этот шаг могут люди только с определенной психикой, вернее, с ее нарушениями. Тут даже не в моральных ценностях дело. Как моя бабушка говорила про тех, кто с чудинкой: «Да он с отверщичком». Так вот предатели точно «с отверщичком», с червоточиной.

– Не ожидала от сотрудника госбезопасности услышать такие бабкины предрассудки. Извините за резкость.

– Пожалуйста, – нисколько не обиделся Ермилов. – Вот только в отличие от вас я знаю, если так можно выразиться, статистику – как кончают предатели. Поэтому

не испытываю иллюзий на их счет. Непонятно другое, с чего это ваш Моран такой щедрый парнишка? Насколько я понимаю, журналисты народ прижимистый, не делятся темами, сами разрабатывают.

– Да в том-то и дело, – слегка смутилась Олеся. – Он сказал «А», но «Б» не прозвучало. Я была как раз в Сиэтле, когда он со мной связался. И тюрьма, где сидит Петров, в Сиэтле.

«Занимательное совпадение, – подумал Олег, снова взявшись за салфетку. – Да чего там совпадение! Знали, где журналистка, куда направляется».

– Он предложил сделать с предателем интервью.

– Хм, – произнес Ермилов, отпил кофе, обжегся и раздраженно отодвинул блюдце, на котором стояла чашка. – Что-то не верится в бескорыстность американцев, у которых врожденная коммерческая жилка.

Меркулова рассмеялась:

– Само собой не безвозмездно. Он хотел стать соавтором. Гонорар пополам. Он дает тему и постарается договориться о свидании с Петровым в тюрьме, а я делюсь с ним тем, что узнаю о Петрове в России. Предполагалось, что фильм выйдет и на русском, и на английском.

– Но что-то пошло не так, – догадливо предположил Олег, понимая, что американцы вовсе не собирались помогать журналистке. Они кинули приманку и теперь рассчитывают сами раздобыть информацию о Петрове через Меркулову, у которой, как они полагают, есть связь со спецслужбами. Ведь те материалы по Кедрову, что Олеся выдала в своем репортаже, из пальца не высосешь. Там факты, и угадать их происхождение несложно.

– Мы приперлись в эту тюрьму. Но нас и на порог не пустили. Их чванливый шериф твердил одно: «Не положено, мэм, надо было заранее оставлять заявку на свидание, и то навряд ли вас пропустили бы. К нему не пускают бывших соотечественников по его же просьбе».

– Не поверю, что вы не спросили, с чем связана такая его просьба.

– И тут вы правы. Ответили, якобы Петров боится соотечественников, опасается, что к нему подошлют убийцу с чем-то вроде ледоруба.

– Во-первых, он не Троцкий – мелкая сошка, а во-вторых, кто пропустит на свидание в тюрьму с ледорубом?

– Никак не пойму, это у вас такое своеобразное чувство юмора или вы всерьез? – она уставилась на Олега черными глазами, и этот пристальный взгляд вызвал у полковника мурашки. – Даже любопытно, вот вы сами, лично, пошли бы на то, чтобы поквитаться с Петровым, рискуя остаться в американской тюрьме на пожизненное или сесть на электрический стул? Вряд ли после убийства вам удалось бы уйти безнаказанным.

– У вас, как у всех творческих людей, богатая фантазия. Если бы это и было возможно, то называлось бы ликвидацией, а не убийством. А главное, наша служба этим не промышляет.

– Давно ли? – Олеся откинула с плеча волосы и уткнулась в счет, который ей принес официант.

Олег заметил, что, когда она говорит гадости, она не смотрит в глаза, не от стеснительности, а ее просто не интересует реакция собеседника. Главное, высказать, а переживают пусть другие.

Ермилов проигнорировал ее выпад в стиле желтой прессы и предложил оплатить счет. Она лишь отмахнулась.

– Мы ведь уже обсуждали это. Помните? Я девушка самостоятельная и расплачиваюсь за все сама.

– И не только за еду? – хмуро уточнил Ермилов, прикидывая, как будет оправдываться перед руководством за то, что доверил этой авантюристке, пусть и не лично, а через ЦОС, пусть и частично, информацию по Кедрову. Разумеется, без ведома шефа Олег не осмелился бы на этот шаг, но в результате крайним окажется именно он.

Никто не вспомнит, что работа с журналисткой несла определенный скрытый смысл и была адресована Западу. Но все же такой реакции он не ждал, в особенности что эта реакция будет проявлена по отношению к Меркуловой. Впрочем, это он, Ермилов, не ждал, а его начальство, вполне возможно, просчитало именно такой исход дела.

– Вы намекаете, что расплата близка? – краешки губ девушки чуть приподнялись в намеке на улыбку. – За что же вы мне пророчите возмездие и от кого?

– Я не гадалка, хотя не отказался бы ею стать, чтобы все-таки понять, зачем вы меня-то позвали?

– Мне казалось, вы поняли. Меня крайне заинтриговал этот самый Петров. Я наивно полагаю, что в вашем лице найду, так сказать, добровольного помощника. Материал может получиться чрезвычайно занимательным. И кроме того, девушки, даже такие субтильные, как я, должны что-то кушать. А для этого нужны деньги.

– И много вам посулили американцы?

Олеся пожала плечами, спрятала кошелек в громоздкую сумку, из которой серебристым уголком торчал ноутбук, и все же ответила нехотя:

– Это коммерческая тайна. Так что насчет помощи? Естественно, прежде чем выпускать фильм в эфир, я вам продемонстрирую.

– А если нам не понравится, вы готовы будете внести коррективы или даже вовсе оказаться от идеи выпуска фильма на телевидении?

– Ваши условия означают положительный ответ? – воодушевилась Олеся.

Она облокотилась о стол и подалась к Ермилову так, что он ощутил исходящий от нее аромат духов, смешанный с запахом шоколада. Его это слегка смутило.

– Давайте не будем торопиться, – осмотрительно предложил он. – Я отвечу позже, а пока посоветовал бы вам не суетиться.

– В каком смысле? – Она достала из сумки пестрый красно-рыжий шарф и начала заматывать им шею, догадываясь, что встреча подходит к концу. – И какого плана этот ваш совет? Совет-рекомендация или дружеский совет?

– Нечто среднее, – покачал ладонью Олег. – Я имел в виду, не предпринимайте никаких шагов, чтобы узнать что-то о Петрове до тех пор, пока я вам не позвоню.

«А то дров наломает еще больше, – подумал он. – Хотя куда уж больше?! И мне достанется пара поленьев по затылку. И поделом старому дураку. Я ведь про нее вспомнил в связи с делом Кедрова не потому, что так уж нашего героя хотел прославить, а потому, что девчонка симпатичная и хотелось подкинуть ей материалец, помочь. Подкинул! Помог!»

– О’кей! Тогда буду ждать вашего звонка.

Она нацепила куртку, махнула рукой и, закинув сумку на плечо, шагнула в тамбур, оттуда в кафе занесло облако холодного воздуха, дверь за ней с пфыканьем захлопнулась, словно улица втянула Олесю, как в открытый космос. Меркулова проплыла мимо по тротуару… Нет, насчет «проплыла» это Ермилов только вообразил – она шагала так крепко и устойчиво, как лихой солдат. Ничего женственного. И все же взгляд на ней задержался непозволительно долго для женатого человека и тем более сотрудника ФСБ.

«Ну это ненадолго, – утешил себя Ермилов, не торопясь покидать кафе. – Из ФСБ меня турнут, как пить дать. Недолго осталось. Я только выговоры и получаю. Тут прокол, там прокол», – Олег вообще имел обыкновение заниматься самобичеванием по делу и без.

С его сомнениями и мучениями умело справлялась Люська своим здоровым отношением к жизни, порой переходящим в цинизм.

У него возникло горячее желание вернуться домой, поставить пластинку Высоцкого и предаться меланхолии. Однако надо было двигать на Лубянку. Сдаваться Плотникову с багажом в виде сомнительной журналистки, то ли завербованной американцами, то ли втянутой в какую-то странную игру, называющуюся «Петров».

Интуиция часто выручала Олега в самых скользких случаях. Он ухитрился несколько раз именно так, интуитивно, уйти от преследования английского разведчика Линли. Похожие ситуации с ним случались и раньше, еще в Чечне, когда Ермилов уезжал из опасного места за несколько минут до начала заварушки.

Когда он вышел из кафе и почти добрался до метро, вдруг снова испытал всплеск интуиции. На затылке, под вязаной шапкой, возникло ощущение пристального взгляда, и это ощущение подсказало ему проверить, нет ли за ним слежки. Он не объяснил бы внятно, почему ему пришла в голову эта абсурдная мысль. Кто, кроме теперь родного для него ведомства, мог бы организовать за ним наружное наблюдение? В России, в Москве!

И тем не менее «хвост» был. Правда, Олег заметил только парня в темно-синей куртке с коричневой меховой оторочкой по краю капюшона, но не исключал, что есть и другие соглядатаи.

Ермилов потому и обратил на него внимание, что, когда они сидели с Олесей в кафе, Олег краем глаза заметил вспышку и, чуть повернув голову к окну, увидел человека в синей куртке с фотоаппаратом, который что-то снимал на улице, стоя напротив кафе. Тогда еще Олег удивился, кому придет в голову фотографировать хмурую сырую улицу и машины, заляпанные грязью? Но мысль была мимолетной, в тот момент его больше занимал разговор с Олесей.

Теперь этот тип в синей куртке, с фотоаппаратом, висящим на плече, тащился за Олегом к метро. Сомнений не оставалось – тот самый, который вился у кафе. Ермилов притормозил, попытался пропустить его вперед, но «фотограф» свернул к киоску с газетами и задержался там, пока Ермилов снова не двинулся к метро. «Фотограф» пошел следом.

«Карма у меня, что ли, такая? – гневно подумал Олег. – За мной следят все кому не лень. Топтуны на Кипре, в Лондоне, в Москве… И даже не смешно уже. Я еще не успел ничего сделать в ДВКР, чтобы кто-нибудь за мной следил».

По краю сознания скользнула мысль, что за ним ходят сотрудники собственной безопасности, но Олег так и не смог придумать повод для такого наблюдения. Проверки уже давно прошли, еще когда Ермилов только начинал служить в ФСБ.

Да и не могло быть такого топорного наблюдения! Скорее всего, он бы вовсе не заметил слежки, если бы она имела место. Олег хорошо понимал, что он не такой большой специалист по оперативной работе и знает приемы оперативников и наружного наблюдения скорее в теории.

«Позвонить Богданову, – крамольно подумал было Ермилов, остановившись у очередного киоска. – Он убоповец, бывший собровец, схватит этого в куртке, тряхнет пару раз, и тот расколется, какого лешего он тут за мной таскается и фотографирует».

Но тот факт, что незнакомец фотографировал, привел Ермилова к единственно правильному решению. Он вернулся в кафе, удивив своим появлением официантку, расположился за столиком в углу, достал мобильный, вздохнул и с волнением набрал номер Плотникова:

– Петр Анатольевич, это снова Ермилов. У меня возникли непредвиденные обстоятельства. Я обнаружил наблюдение за собой.

– Хм-хм, – с сомнением кашлянул Плотников. – А ты где вообще?

– Я неподалеку от своего дома. В кафе рядом с метро «Багратионовская».

– В кафе? – переспросил шеф. – А ты трезвый?

– Петр Анатольевич, я абсолютно…

– Ладно-ладно. А ты проверялся? Может, показалось? Кто там сел тебе на «хвост»?

– Какой-то парень с фотоаппаратом. Он фотографировал меня, пока я сидел в кафе с журналисткой.

– С какой еще журналисткой? – уже раздраженно переспросил Плотников. – Это что за частная инициатива? Почему я не в курсе?.. – Он, очевидно, и не ожидал ответов на все заданные вопросы, потому что тут же продолжил: – Короче, сидишь там и ждешь. Как наши из ССБ подъедут, тебе отзвонятся. Поводишь Фотографа за собой. Эсэсбэшники его примут, а ты уйдешь от него и прибудешь

в Контору. Тут и поговорим.

– Есть, – грустно ответил Ермилов, почувствовав, что последние слова шефа прозвучали довольно сурово.

Плотников посчитал его нетрезвым. «Позора теперь не оберешься, – Ермилова бросило в жар от этой догадки. – Сейчас Фотограф свалит, потом иди доказывай существование слежки».

Сотрудники ССБ прибыли быстро. Уже через двадцать минут сотовый Ермилова зазвонил, высветился незнакомый номер.

– Олег Константинович, вы в кафе? – уточнил бодрый и обнадеживающей своей уверенностью голос. – Выходите и медленно, прогулочным шагом двигайтесь к метро. А мы поглядим что да как. Отзвонимся вам и проинструктируем о дальнейших действиях.

«Дожили, – бубнил себе под нос едва слышно Ермилов, оскальзываясь на снежной каше, неумолимо приближаясь к зеву метро. – В Москве за сотрудником ФСБ слежка. Что теперь? Идти в метро или нет?»

Он не решился оглядываться. Оставался последний рубеж перед замызганной дверью с полустертым красным словом «Вход» – табачный киоск. И хоть Олег не курил, он остановился и поглядел на отраженную улицу. Не сразу, но обнаружил на противоположной стороне улицы Фотографа, подпирающего стену дома. Вместо лица Ермилов видел только светлое пятно. Сотрудников ССБ Олег, как ни старался, не заметил. Они, как и оперативники наружного наблюдения, работать умели первоклассно.

Зазвонивший в кармане телефон заставил Олега вздрогнуть.

– Олег Константинович, мы его приняли. Скиньте его в метро. А мы уж дальше сами, – интонация незнакомого безопасника изменилась, стала более серьезной после того, как он убедился в реальном существовании Фотографа. – Вы справитесь? Или помочь отсечь его?

– Справлюсь, – Олег вспомнил, как вместе с Алексеем Руденко, офицером безопасности посольства, уходил от «хвоста» на Кипре через книжный магазин Тофаридиса на улице Зенона.

«Вот бы сейчас сюда Алексея, – Ермилов расстегнул куртку, зайдя в метро. Его обдало упругой волной горячего воздуха. – Руденко – ушлый тип. Ухарь-купец! – Олег хмыкнул. – Он сейчас в Греции загорает. Хотя там сейчас тоже промозгло».

Группа майора Степанова, следовавшая за Фотографом и Ермиловым, наблюдала, как полковник довольно быстро и умело ушел от преследователя. Тот вряд ли заподозрил намеренный отрыв.

Степанов, сдвинув на затылок вязаную шапку, с удовлетворением наблюдал, как Фотограф начал метаться по платформе, с тоской глядя вслед уехавшему на электричке Ермилову. За последним вагоном поезда взметнулся снежный вихрь, и его бросило в лица людей, стоящих на платформе.

– Внимание всем, – негромко сказал Степанов, нажав кнопку PTT[3 - PTT – Push-to-talk (англ.) – нажать, чтобы говорить.], закрепленную на ладони. – При посадке в вагон особенно быть внимательными.

* * *

– Что дальше? – переспросил Плотников и посмотрел на часы, висящие в простенке между книжными шкафами.

За стеклянными дверцами шкафов виднелись корешки толстых справочников, а перед ними стояли какие-то фотографии в рамках. Ермилов не приглядывался – не до того. Олег только что во всех деталях, минута за минутой, рассказал, чем занимался сегодняшним утром, и отер высокий лоб носовым платком.

– Безопасники взяли «тело», ведут его, узнают кто он и что. Наблюдение будет продолжать уже наружка, если мы сочтем нужным. И если это не личная инициатива Фотографа следить за тобой, то он выведет нас на заказчика. Сдается мне… Ну да ладно, пока преждевременно делать прогнозы.

Лежащий у Плотникова на столе мобильный зажужжал и завибрировал. У Ермилова создалось ощущение, что в кабинете шефа сгущается воздух от этого тревожного жужжания.

– Да! Ну? Где это?..

По его отрывистым восклицаниям Олег ничего не мог понять и наблюдал за выражением лица шефа. Но и оно у него было таким, словно Плотников погрузился в телефон целиком, перенесся по сотовому сигналу на адрес, а здесь находится только оболочка, неподвижная и почти безэмоциональная.

– Я понял, – наконец произнес Петр Анатольевич, повертел телефон в руках, отложил мобильник в сторону и уставился голубыми глазами на Олега. – Кроме Меркуловой, что у тебя было такого, что за тобой следил частный детектив?

– Кто? – опешил Ермилов. – Фотограф – частный детектив? Что за…

– Вот и я о том же. Довели его до офиса частной детективной конторы «Досье». Вернемся к нашим баранам. Барашкам, – поправил он сам себя, очевидно, намекая на Меркулову. Плотников подвинул Олегу листок бумаги и ручку.

– Объяснительную писать? – вздохнул Ермилов понятливо.

– Позже. Я замечал, что, когда ты каракули свои рисуешь, соображаешь лучше, – бесцеремонно сказал шеф. – А соображать нам с тобой придется. Должность обязывает.

– Я до сих пор не имею этой самой должности, – напомнил Ермилов, досадуя на всезнайство Плотникова, тем более в области таких «интимных» привычек, как рисование каракулей, стимулирующих умственные процессы. – Между прочим, я к вам в Департамент не рвался. Нет должностей, так зачем было переводить. – Он тут же с легким волнением подумал, что на подобное ворчание шеф может ответить нелицеприятно, в том смысле, что теперь вопрос о назначении на должность вообще зависнет.

– Не шуми! Рисуй и думай. Я тоже набросаю версии, только устно. Если абстрагироваться от твоей встречи с журналисткой, первое, что приходит на

ум, – твоя прошлая работа в прокуратуре. Второе – твоя жена.

– В каком смысле? – Ермилов напрягся. – При чем тут Люська?

Плотников опустил голову, улыбаясь:

– Твоя Людмила – адвокат в частной адвокатской конторе.

Ермилов за недолгое время службы в ФСБ неоднократно сталкивался с тем, как быстро некоторые оперативники соображают, а он порой не успевал за ходом их мыслей в разговоре и сейчас буксовал, не сразу понял, к чему клонит шеф.

А когда дошло, начал лихорадочно прикидывать, чем занималась Люська в последние месяцы. Поскольку оплачивать адвоката ее уровня могли люди только очень состоятельные, то защищать ей приходилось всякий сброд – от уголовников-рецидивистов до погоревших на взятке чиновников. Она не так давно вернулась в адвокатуру, после многолетнего перерыва, и очень быстро отвоевала прежние позиции. На курсе, где они учились вместе с Ермиловым, Людмила Короткова была лучшей. Это служило камнем преткновения в домашних ссорах.

– Какие-нибудь угрозы? – намекнул Плотников. – Или она не рассказывала? Чего ты улыбаешься?

– Чтобы Люська удержала в себе хоть что-то мало-мальски интересное? Это выше ее сил. Нет, не говорила ничего такого, что заставило бы меня волноваться.

– Так, – произнес Петр Анатольевич задумчиво. – Так, – повторил он. – Ну тогда вернемся к тому, что лежит на поверхности, и попытаемся проанализировать.

– Вы про Меркулову? Пока я ехал на работу, подумал и об этом. Можно предположить, что слежка началась за мной до встречи с журналисткой, а я просто не заметил топтуна до сегодняшнего дня. При чем тут Меркулова?

– Я бы поставил вопрос иначе. Глупо отрицать, что есть связь между твоей встречей и началом слежки. Вопрос состоит в другом: намеренно она навела на

тебя или сама не догадывается о наблюдении за ней и привела «хвост» по неведению?

Ермилов промолчал, убежденный, что Олеся не причастна к слежке. Но убеждать в этом шефа не стал, остерегаясь быть обвиненным в излишней симпатии к журналистке.

Плотников сложил кончики пальцев и смотрел на Олега, явно не ожидая ответа, а думая о своем. Когда после долгой паузы он заговорил, стало понятно, что его беспокоит:

– Петров. Александр Васильевич. Старший лейтенант. Служил научным сотрудником НИИ Министерства обороны. Отсидел за госизмену десять лет. Свалил на Запад. Это если вкратце. Чего вздыхаешь?

– Что-то мне подсказывает, что придется изучать дело предателя не вкратце…

– И что тебя не устраивает? – улыбнулся Плотников.

– Мне хотелось хоть в какой-то степени иметь отношение к оперативной работе. А я все с бумагами…

– Мы тебя выпросили к нам в отдел в большей степени за твои аналитические способности. К тому же ты немного опоздал с оперативной работой. Пусть молодые опыта набираются. Впрочем, – Петр Анатольевич окинул оценивающим взглядом Ермилова, – поживем, увидим. Ты с кем кабинет делишь? С Григорьевым? Вот с ним и займетесь этим делом.

– Каким? Что есть уже какое-то дело?

– Будем разрабатывать два направления – Петров и Меркулова.

– Со вторым пунктом более-менее понятно, – без энтузиазма согласился Ермилов. – А с Петровым-то зачем?

– Ты шутишь? – Плотников даже приподнялся в кресле и плюхнулся обратно с легким разочарованием на лице. – Петровым мы теперь будем заниматься в

первую очередь.

– Ну да, – слегка обиженно улыбнулся Ермилов, – американцы от нас хотели, чтобы мы вспомнили о предателе, обратили внимание на его персону через Меркулову. И мы обратили.

– Ты чего-то недопонял. Предатель жив. Он сидит в американской тюрьме. Как американцы допустили, что их человека арестовали? Как ты думаешь?

– Это ваша прерогатива думать. А я – подчиненный, – хмуро ответил Олег, догадавшись, куда клонит шеф. – Но как мне кажется, допустить или даже инициировать его посадку американцы могли только в случае потери доверия к Петрову.

– Так-так, – оживился Плотников, довольный, что этот молчун Ермилов, с лицом обаятельным, но вечно обиженным, соображает так, как в представлении полковника Плотникова и должны соображать его оперативники. – Продолжай.

– Он чем-то насолил американцам. Хотя… – Олег потер подбородок в задумчивости. – Может, дело и не в Петрове вовсе? Он только повод, чтобы вызвать нас на какие-то действия.

– Чтобы понять это, мы и займемся вплотную Меркуловой и заодно Мораном. Какие предположения по поводу того, чем Петров насолил американцам?

Ермилов чувствовал себя как в школе перед строгим завучем, который выяснял, кто из учеников курил в туалете. У Плотникова наверняка были версии, но он не торопился их озвучивать.

– Если бы я оказался на месте его хозяев, к решению об его аресте меня могло подтолкнуть появление новой, неожиданной информация о личности Петрова или его действиях, о которых он мне не докладывал и которые скрывал. Другой вопрос, как могли вскрыться эти новые обстоятельства? Что послужило пусковым механизмом? Появление в Америке какого-то человека, сообщившего сведения о Петрове, противоречащие представлениям цэрэушников о предателе-старлее?

– Возможно, – покивал Плотников. – Надо будет проверить, кто из бывших носителей секретов выезжал в Америку или Европу за последнее время. До ареста Петрова в Америке. Кто из них мог в конце семидесятых – начале восьмидесятых пересекаться с Петровым по службе.

– То, что он подлец, – продолжил рассуждать Ермилов, увлекшись своей идеей, – для американцев не секрет. Они имеют дело только с такими субъектами, которых можно купить. Речь не о том, что им открылся вдруг его моральный облик.

– Нет конечно, – рассмеялся Петр Анатольевич. – Это ты загнул насчет морального облика. Открыться им могло то, что он работал и против них.

– Каким образом?

– Каким образом открылось или каким образом работал? – Плотников снял трубку зазвонившего телефона внутренней связи. Молча выслушал и попросил: – Давайте позже. Через полчаса. – Он поглядел на Олега: – У тебя ведь есть приятель в УБОПе, если я не ошибаюсь?

Ермилов кивнул, опустив глаза, сдерживая порыв спросить, откуда у шефа такая информация. «Обложили, – подумал он словами из песни любимого Высоцкого. Но в этой констатации факта не было ни настороженности, ни сожаления, а скорее, восхищение. – И до Славки добрались».

Он силился вспомнить, знал ли о Богданове прежний начальник из английского отдела Сорокин, но так и не вспомнил.

– Ты бы смог его отправить в частное агентство под благовидным предлогом? Прощупать Фотографа.

– Мы его не вспугнем? Ведь наблюдение за ним ведется. Может, лучше дождаться, когда он встретится с заказчиком. Кто-то же меня заказал.

– Нам надо чтобы не ФСБ заинтересовалось этим агентством, его сотрудниками и их делами. УБОП для таких целей хорошая легенда. Ты ведь Богданову доверяешь? И он не из болтунов? Обоснуй ему… – Плотников потер кончик

носа. – Ну допустим, для какого-нибудь дела твоей Людмилы. Противники ее клиента угрожают ей, наняли детективов из агентства…

– А разве мы так делаем? – подразумевая под «мы» ФСБ, наивно спросил Олег. Поскольку Петр Анатольевич промолчал, Ермилов продолжил: – Использовать Богданова втемную? Цель? Установить личность Фотографа? Но в лицо его Богданов не знает. Понять, кто заказчик, что конкретно заказали? А если Фотограф занимался слежкой не через агентство, а в частном порядке? Тогда в документах их конторы не будет никаких следов – дат, фамилий, адресов.

– Не совсем втемную, – Петр Анатольевич покосился на телефон, который звонил несколько минут назад. – Наши попытались сунуться в агентство. Там просто бастион. Без записи вообще никого не пускают. Стационарных телефонов нет. На всех окнах металлические жалюзи. Ребята, прямо скажем, непростые. А вот если бы твой Богданов с собровцами устроил маски-шоу, и вместе с ними зашла бы в масках пара наших спецов из оперативно-технического подразделения.

– А ничего что для такого камуфляжного шоу нужна санкция?

Плотников скривил такую «понимающую» гримасу, что Ермилов притих. Они оба знали, что УБОПы действовали порой довольно резко и не слишком опасаясь быть обвиненными в незаконных действиях.

– Допустим поступило заявление от анонимного источника, что в агентстве хранится незарегистрированное оружие. И это надо сделать сегодня же. У нас мало времени. Кстати, фотография детектива, который за тобой следил, у нас уже есть. Нам необходимо установить прослушку и заодно проверить документы сотрудников. – Плотников заметил, что Ермилов, достав телефон, замешкался. – Звони, звони.

– Я хочу понять, стоит ли приплетать сюда Люську? Когда к группе собровцев присоединятся двое наших, вы полагаете, Богданов не догадается?

– Тебе видней, ты же его лучше знаешь, – пожал плечами шеф, поглядел на приоткрытое окно, поежился и, не вставая, натянул пиджак, висевший на спинке его кресла. – Найди для него подходящие слова.

– Разрешите мне позвонить из своего кабинета?

– Валяй, – махнул рукой шеф. – Только доложишь, когда договоришься. Нам же надо скоординировать действия.

– Не спугнем?

– А скрытно не получается. И времени нет. С твоими фотографиями детектив может пойти к заказчику в любой момент.

– Вы хотите их изъять? – удивился Ермилов. – Тогда с чем Фотограф пойдет к заказчику? Тут уж их подозрения будут обоснованы.

– Изъять надо и другие материалы из агентства, а среди них твои фотографии.

– А если Богданов опоздает и Фотограф выйдет из агентства?

– Будем решать проблемы по мере их поступления. Но мне не надо, чтобы мои сотрудники так глупо светили свои физиономии. К кому попадет твой портрет?

Олега беспокоил неоконченный разговор о Петрове, однако он понимал, что сейчас надо оперативно решать вопрос с сыскным агентством и его сотрудником. У двери он обернулся:

– Петр Анатольевич, а если он уже передал фотки по электронной почте?

– Если его заказчики те, о ком я думаю, то они будут встречаться. Детектив передаст материалы только лично и только на нейтральной территории.

– Американцы? – Олег догадался, куда клонит шеф. – Они разве могли пойти на то, чтобы следить в России за кем-то?

– Не лично, как видишь, а наняли детектива. Почему бы и нет? Гипотетически такое возможно. Но это пока только версия, продиктованная поведением твоей Меркуловой, ее контактом с Мораном и тем фактом, что он наматывает круги вокруг персоны Петрова, да и вокруг журналистки, которая освещала недавно дело Кедрова, используя, очевидно, осведомленного человека, компетентный источник, – Плотников живо подвигал бровями, как делают мультяшные герои,

намекая на что-то.

Когда Ермилов ушел звонить Богданову, Плотников подумал в очередной раз об удивительной способности его нового подчиненного притягивать к себе события и, более того, оказываться в их эпицентре. Из ситуаций, складывающихся заведомо не в пользу Ермилова, тот выходил не то чтобы победителем, но с результатом определенно положительным. При этом, как уже успел заметить Плотников, Олег ворчал, стонал, как все плохо складывается, и все-таки выбирал оптимальный алгоритм действий. Что это? Интуиция, выработанное за годы на следствии, и пришедшее с опытом чутье?..

Ермилов лукавил, когда с Плотниковым заговорил о законности применения группы захвата. Работая в прокуратуре, он нередко прибегал к помощи Славки Богданова – человека незаменимого для спасения жизни и профессионального реноме, когда требовалась провести силовое и не всегда легальное мероприятие.

Вадим Григорьев, сосед по кабинету, с интересом слушал, как Олег договаривается с Богдановым по телефону. Он даже подпер ладонью пухлую щеку и флегматично взирал на полковника карими, крупными, с паволокой глазами. Прядь черных густых волос беспрестанно сползала ему на лоб, он пятерней приглаживал ее. Майор Григорьев был моложе Олега, но на той же должности старшего инспектора, на которую перевелся в отдел ДВКР Ермилов, но которую еще не получил.

Вадим – единственный из отдела не приставал к Ермилову с подколками о прокурорском прошлом. Флегматичный и занятный – и внешне, и по характеру, он воспринял «подселенца» доброжелательно. Помог переставить Олегу стол к окну, сам оставался сидеть в закутке у двери, поближе к могучему вишневого цвета сейфу.

Перед тем как открыть этот железный шкаф, Вадим всегда хлопал его по крышке и пророчил: «Продавит он когда-нибудь пол. Смотри, как паркет под ним просел. Сколько уговаривал начальство поставить сюда что-нибудь посовременнее, так меня игнорируют. А зря. Провалимся мы в тартарары, как пить дать. Сядем комендатуре на шею, если прямиком в подвал не улетим».

Григорьев не был полным, но плотным и круглолицым, напоминал херувима из дореволюционной детской книжки, которая хранилась у Ермилова дома. Такой же румяный и с пухлыми губами. Единственное отличие заключалось в том, что херувиму в книге один из сыновей Ермилова, Петька, пририсовал усы, за что получил от бережливого Олега трепку. Впервые увидев Вадима, Олег не мог сдержать улыбку, но Григорьев, видно, привык, что его не воспринимают всерьез. Он страдал заниженной самооценкой. Ермилов это понял через неделю их общения и посмеялся про себя: «Хорошая компания подобралась – один не верит в себя, а другой занимается самоедством».

Именно с ним Ермилову и предстояло тесно работать, не зная, как сложится в конечном итоге дело с Меркуловой и что делать с предателем разлива 1983 года. То «винцо» уж если не прокисло, то отдавало горечью и содержало какую-то тайну.

Григорьев по взволнованному виду соседа по кабинету заключил, что происходит нечто неординарное и спросил:

– Что, назначение пришло? – Его распирало любопытство. Но о большем он спросить не решился. Расспрашивать тут непринято.

– Слыхал про Петрова? Александра Петрова, старлея?

– Который предатель? – круглое лицо Вадима, наверное, выражало оживление, хотя любой бы, кто увидел его в этот момент, решил бы, что Григорьев спит с открытыми глазами. – Ну если мне память не изменяет, речь идет о начале восьмидесятых?

– Она тебе не изменяет. Главное, чтобы теперь тебе не изменило самообладание, потому что нам предстоит заняться этим Петровым вплотную.

– Так-так-так, – сказал Вадим индифферентно и открыл сейф с привычной мантрой: «Продавит он когда-нибудь пол». И вдруг выдал: – А ведь он жив еще, Петров этот. Сел молодым, – он потер лоб, вспоминая. – Вышел в начале девяностых. Отсидел полный срок – десятку. И кажется, первые три года его содержали в тюрьме.

– Как? – Ермилов собрался бежать к Плотникову, доложить о готовности Богданова, но остановился в дверях, услышав от Вадима наконец нечто внятное. – Из десяти три года тюрьмы? Это сурово. Чем, интересно, был такой приговор обусловлен?

Григорьев пожал плечами. Они успели выпить чаю, а через час позвонил Богданов:

– Я со своими бойцами на позиции. Кукуем в микроавтобусе на адресе. Ждем твоих парней.

– Ну ты метеор! За час собрал всех. Они же из Подмосковья. Как они так быстро подъехали, да по пробкам?..

Богданов сперва планировал собрать бойцов, которые сейчас не на дежурстве. Неофициально…

– Я переиграл наш первоначальный план. Перед выездом кое-что проверил. Ты сказал мне название конторы – «Досье». И мне оно показалось смутно знакомым. Так вот я вспомнил. Хозяин Костя Ростовский. Как ты понимаешь, Ростовский – не фамилия. Мы разрабатывали его еще лет пять назад. Да ты должен помнить!

– Костю я помню. Так каким он боком?

– Его контора. У него сейчас почти легальный бизнес, – Богданов кашлянул, а рядом с ним загоготали сидящие в микроавтобусе собровцы, то ли реагируя на слово «почти легальный», то ли смеялись над своими шутками. – Тихо вы, черти! – беззлобно осадил их Славка с явной улыбкой в голосе. – Это я к чему веду-то. Мы можем устроить проверочку, вполне имея на то основания. Я задействовал ребят, которые на сутках, чтобы все официально. Комар носа не подточит.

– И Костя не пойдет с жалобами к прокурору? – усомнился Ермилов, по опыту зная, что авторитеты, когда начинают наезжать на их «почти легальный» бизнес, оказываются самыми рьяными поборниками законности. Посылают везде своих адвокатов, составляют грамотные жалобы и настойчивы в борьбе за свои права.

– Вряд ли. Во-первых, мы наверняка там чего-нибудь найдем, а во-вторых, Костя меня помнит еще по тем годам, лихим и бандитским. Со мной связываться не станет. Тем более я сейчас замначальника УБОПа. Так что в плане того, как обставится, можешь не волноваться. Правда, я думал вы сами там крутые, – хохотнул Богданов. – Но гляжу, ты без старика Богданыча никуда.

– Славка, ты особо не резвись! Сейчас подъедут люди, скажут, что от меня. Делайте так, как они попросят. Лады? А с меня причитается.

– Пузырем не отделаешься, – пообещал Богданов. – А может, им сунуть в офис пару стволов для надежности?

– Ошалел?! – возмутился Олег.

– Ну ладно, ладно. Знаю я твою щепетильность! Прям уж инициативу проявить нельзя.

Вячеслав спрятал телефон в карман камуфляжного бушлата и покосился на краснолицего Смирнова. Тот хохотал больше всех. Через полчаса в борт микроавтобуса постучались и, когда отъехала в сторону дверца, Богданов увидел двоих молодых мужчин, неуловимо похожих друг на друга и в то же время с плохо запоминающимися лицами. Они переоделись в микроавтобусе в камуфляжные комбезы и куртки, натянули шлем-маски и бронежилеты и стали вовсе неотличимы от собровцев.

– У них дверь железная, – напомнил один из фээсбэшников.

– А то мы не знаем! – пожал плечами Богданов. Он уже выпрыгнул из микроавтобуса, поправляя на груди бронежилет. – «Сферы» наденьте, – попросил он фээсбэшников и мотнул головой в сторону заднего сиденья, где лежали два шлема. – Если я прав, то внутри нас может ждать теплый прием. Вы держитесь за нами, потому что безоружные. Саня ты давай с «ублюдком»[4 - «Ублюдок» (жарг.) – АКСУ – автомат Калашникова складной укороченный, предназначенный для ближнего боя и штурмовых операций.] на первый план. Если не заладится, Димон, будь наготове с болгаркой. У них охрана наверняка солидная.

Прохожие оглядывались и шарахались от группы вооруженных спецназовцев в камуфляже. Справа от двери Богданов нажал кнопку переговорного устройства, понимая, что охрана видит их на экране монитора.

– К кому? – спокойно спросил охранник, словно и не видел спецназовцев. А он их и в самом деле не видел – фээсбэшники отключили им камеры на несколько минут, но Богданову не сочли нужным сказать.

– Я от Кости, – пробасил Слава. – Открывай ворота!

Он и сам не ожидал, что откроют без уточнений и верительных грамот. Да и охрана особого сопротивления не оказывала, видно, осознали серьезность намерений собровцев.

Богданов без энтузиазма препирался с замдиректора агентства, изображая туповатого, но настойчивого убоповца, впрочем, он таким и был, за исключением тупости. Замдиректора совал ему брошюру статей уголовного кодекса, а Вячеслав в ответ твердил:

– Поступил сигнал, мы обязаны проверить. Уважаемый, не тычьте мне в нос свои книжонки.

– А, ну да, вы и читать не умеете.

– Конечно, – доброжелательно согласился Богданов. – Но 319-ю[5 - Статья 319 УК РФ – оскорбление представителя власти.] я вам уже припаять могу. Чего вы так волнуетесь? Проверим документики у присутствующих, осмотрим помещение на предмет нахождения здесь незарегистрированных стволов и уйдем тихо-мирно.

– Вы свои документы лучше покажите, – потребовал замдиректора и долго изучал удостоверение Вячеслава. Богданов единственный, кто не надел маску.

Плотников правильно рассчитал. Если руководство агентства решит проверить оперативника и собровцев, то убедятся, что это реальные сотрудники МВД. Кто бы ни нанимал Фотографа, пускай и мысли не допускает о причастности к обыску ФСБ. Нельзя чтобы догадались о слуховом контроле их офиса.

Смирнов, чуть сдвинув шлем-маску со рта, невозмутимо записывал паспортные данные сотрудников, оказавшихся в этот момент в офисе. Бойцы разошлись по кабинетам. Работники агентства пытались следить за ними, опасаясь, что собровцы могут подбросить им что-нибудь нелегальное, и бойцам приходилось идти на ухищрения, чтобы задержать их то в коридоре, то в соседнем кабинете расспросами о том, где находится рабочее место каждого конкретного сотрудника, чтобы дать возможность фээсбэшникам хоть ненадолго уединятся в служебных помещениях.

Когда Смирнов взял в руки паспорт Фотографа, один из двух фээсбэшников, узнав объект разработки, переместился за спину Смирнова, заглянул через плечо в документы и прочел: «Старков Сергей Георгиевич».

Смирнов заметил его заинтересованность и задал вопрос Старкову, как договаривались с фээсбэшником еще в микроавтобусе:

– Сергей Георгиевич, а где ваше рабочее место?

Старков указал на стол, скрытый за кадкой с деревом, напоминающим березу. Обыск продолжался, и Богданов постарался увести сотрудников в другие помещения, оставив фээсбэшника наедине со столом Старкова, с фотоаппаратом, лежащим на столешнице, и компьютером.

Ему хватило десяти минут, и фотографии Ермилова и Меркуловой бесследно исчезли из фотоаппарата, а в компьютер Старков их и вовсе еще не успел переписать. Но зато память компьютера пополнила небольшая программка, копирующая все данные с жесткого диска и отправляющая их на заданный программой электронный адрес.

В офисе детективного агентства нашли незарегистрированный пистолет ТТ. Богданов возликовал:

– Ствол изымаем! Чей он, как я понимаю, сознаваться вы не намерены? – Пистолет нашли между кадкой с березой и батареей центрального отопления. Кто-то успел сбросить туда ТТ, когда в агентство ворвались спецназовцы. Ближайшим был стол Старкова. Богданов мысленно потирал руки. – На стволе пальчики. Откатаем всех, установим хозяина.

Собравшиеся молчали, из чего Вячеслав заключил, что либо хозяин успел стереть «пальчики», либо рассчитывал дать деру, когда собровцы уйдут. Задерживать всех Богданов не планировал. Да и для задержания кого-то конкретного не было достаточных оснований.

– Передам дело следователю, и вас вызовут, – заключил он удовлетворенно, понимая, что находка нелегального ствола снимает все вопросы к нему как к организатору сегодняшнего мероприятия. Сигнал от осведомителя подтвердился и никто не станет уже разбираться, что никакого сигнала в УБОП и не поступало.

В микроавтобусе пришлось потолкаться, пока расселись по местам, – собровцы и так-то не маленькие, а в бронежилетах и с оружием просто гиганты. Оставили пятачок свободным сзади между кресел, чтобы фээсбэшники могли переодеться обратно в гражданку.

– Нормально сработали? – спросил Богданов, снимая «сферу» и приглаживая влажные волосы.

– Вполне, – кивнул один из фээсбэшников. – Не боишься вот так светиться? Придут к тебе от этого Кости и холку намнут.

– Я сам кому хочешь намну. «Мы не ждали посмертной славы. Мы хотели со славой жить», – процитировал он стихи Друниной, удивив своей эрудицией оперативника ФСБ. – У меня нет в планах пасть смертью храбрых.

Богданов не собирался откровенничать с незнакомым коллегой Ермилова о том, что ради этого самого Ермилова он горы свернет и никакой Костя, тем более Ростовский, ему не помеха.

* * *

– Олег Константиныч, я тебе кое-какие материалы по Петрову уже подобрал, – Сухопарый седой архивист Леонид Степаныч протянул Ермилову большую папку, напоминающую форматом ту, в которой второй сын Ермилова, Васька, таскал на кружок по рисованию свои акварели. – Завтра смогу снабдить тебя более полными данными. Запросил дело Петрова. А сегодня погляди пока это. В таком

объеме мы даем информацию о разоблаченных предателях для ознакомления молодым сотрудникам. Ты в ДВКР, можно сказать, и есть молодой сотрудник.

Ермилов хмуро кивнул. Он пришел к Николайчуку прямиком от Плотникова. Разговор с шефом Олега напряг. Петр Анатольевич показал фотографии, уже распечатанные с карты памяти фотоаппарата. Он внимательно наблюдал за реакцией Ермилова, перебиравшего пачку фотографий. Тут были кадры с Меркуловой и до ее встречи с Олегом.

– Чего приуныл? – спросил Плотников. – Теперь нам, во всяком случае, понятно, что следили не за тобой, а за журналисткой. И фотки твои мы изъяли. За Старковым приглядывают, телефоны его слушают, – увидев недоумение во взгляде Олега, он пояснил: – Фотографа зовут Сергей Георгиевич Старков.

– Я-то ладно, – махнул рукой. – А вот за ней почему следят?

– Разберемся. Одно хорошо: раз за ней «хвост», значит, маловероятно, что ее завербовали в Штатах.

– Вы в самом деле так думали?

– Я обязан просчитывать все варианты и тебе советую, – сухо заметил Плотников. – Невзирая ни на какие симпатии.

– Какие симпатии? Вы о чем? – насупился Ермилов. – Просто я убежден, что Меркулова не могла… Она, может, и авантюрного склада, но все-таки все ее репортажи и материалы в печатных изданиях патриотичные. Она не пошла бы на сговор с американцами.

– Наивный ты человек, Ермилов! Все могло бы выглядеть довольно безобидно в ее контактах с американцами. Сели они с Мораном в ресторанчике, к примеру, в том же самом Сиэтле. Стали болтать о том, о сем. Оба журналисты. Он не откуда-нибудь, а из «Нью-Йорк Таймс». Голова у девчонки закружилась. – Плотников взял одну из фотографий из пачки, надел очки и пригляделся: – А девчонка симпатичная, молодая… Зашел у них, скажем, разговор о спецслужбах. Моран мог предложить ей выдать все, что он знает об американских спецслужбах. Естественно, она взамен пообещала ответную любезность.

– Что она может рассказать?

– Ну, – развел руками Плотников, – например, с кем она общалась в ФСБ. Фамилии, имена, звания, должности. Где встречалась. Описать внешность. И это уже ценная информация. А если Моран к тому же не тот, за кого себя выдает, а разведчик, то он сможет незаметно для девицы выведать весь пласт информации, которой она владеет.

– Во-первых, – засопел обиженно Олег, – она ничем таким не владеет. А во-вторых, вы не забывайте, что она журналист, а журналисты охраняют свои источники и информацию порой более рьяно, чем контрразведчики. Это ее хлеб. Не станет она каждому встречному-поперечному выдавать хоть малую толику даже в обмен. Она ухитрилась бы слить в ответ нечто малозначительное.

– Ты ее не переоцениваешь? – со скепсисом поинтересовался шеф.

– Думаю, что недооцениваю.

– Поживем – увидим. Файлы договоров с компьютеров агентства «Досье» уже перекинули Григорьеву. Он парень дотошный, пусть ищет заказ на Меркулову. Возможно, у них в документации клиенты и объекты наблюдения фигурируют под псевдонимами, и не исключено, что Старков взял этот заказ по личной инициативе, в частном порядке. Однако проверить надо. В вашем с Григорьевым тандеме ты будешь старшим.

– Несмотря на то что я еще не назначен на должность и он более опытный в том, что касается вашей специфики?

– Ты – старший, – повторил Плотников строго. – В отделе есть кое-какие материалы по Петрову. Остальное получишь из архива. Изучай…

И Ермилов изучал. Устроился за столом рядом с широким подоконником. За оконными стеклом уже сгустились зимние сумерки и падал снег. Снежинки высверкивались в свете, распространявшемся из высокого окна.

В папке, выданной Олегу Николайчуком, оказались основные вехи пути предательства Александра Петрова. Тут были фотографии улиц и объектов,

которые цэрэушники использовали в работе со своим агентом для постановки сигнальных знаков о встрече и о выемке контейнеров.

Заснеженные улицы начала восьмидесятых навеяли ностальгию. Ермилов, уставившись на фотографию улицы в промышленной зоне, погрузился в размышления: «Что он чувствовал, когда ехал на встречу с цэрэушниками? Вокруг ходили обычные советские люди со своими заботами, не богатой, но честной жизнью, а он крался, воровато оглядывался, распихав по карманам секреты Родины, а обратно в тех же карманах тащил пачки денег, которые делали его хоть ненадолго, но счастливым, – Олег попытался представить себя на его месте и испытал брезгливую оторопь. – И в чем заключалось его счастье? Выпивка, женщины… Он был любитель и того, и другого».

Ермилов перелистнул страницу и увидел фото комнаты в квартире Петрова. Комната, сфотографированная во время обыска после задержания предателя, представляла собой унылое зрелище.

Олег понял из прочитанного, что Петров развелся, квартиру оставил жене и дочери, а сам купил кооперативную однушку. Тахта с унылым темно-бордовым покрывалом и деревянной спинкой, две книжные полки на стене с несколькими книжками и чужеродно и даже смешно – икона.

«Верил в Бога или дань моде? – Олег выпрямил спину, чувствуя, как она затекла, поглядел в окно. – Как бедно жил. Получал от американцев по нескольку тысяч и все прожигал. Жил одним днем или настолько самоуверенный?»

Ермилов обнаружил в папке и фотографии с инструкциями для шпиона, напечатанными белым шрифтом на черной бумаге. Хозяева со всеми подробностями сообщали, как пройти к месту постановки сигнала. При этом делали странные ошибки. Вместо вывеска «Парикмахерская» написали выставка «Парикмахерская». И предлагали осуществлять постановку сигнала, когда «как можно меньше народу в местности».

«Как в деревне – местность», – скривился Ермилов, вспомнив американские фильмы-боевики, где бандиты говорили на исковерканном русском.

Олег склонился над письмом Петрова и мимолетно с досадой подумал, что надо уже обзавестись очками. Это было написанное собственноручно Петровым (до

омерзения аккуратным почерком) послание американцам с настойчивым предложением своих услуг. В письме содержалась фраза на английском: «To the right hands»[6 - To the right hands – в правильные руки.].

Ермилов учился в детстве в английской спецшколе и языком владел хорошо. Он почувствовал раздражение и недоумение, зачем было только лишь эту фразу писать на английском? Почему не все письмо? С одной стороны, Петров хотел продемонстрировать знание английского (хиленько, надо сказать, у него вышло), а с другой – желал угодить. Пока читал, Олега не покидало ощущение, что писавший словно бы все время подобострастно заглядывает ему в глаза.

В папке лежали пожелтевшие гранки газеты «Красная звезда». Как понял Олег, их передавали военной контрразведке для утверждения текста. По-видимому, один экземпляр гранок оставили в тогдашнем 3-м Главном управлении КГБ СССР.

Когда Олег внимательно прочитал статью, размещенную на трех полосах, с фотографиями трех американцев из посольства, объявленных персонами нон грата и выдворенных из страны, он с недоумением вернулся к письму старлея-инициативника.

Было совершенно очевидно, что Петров предложил себя и сведения, которыми обладал на тот момент. Но из статьи в газете следовало, что американцы сами присмотрели его для вербовки, как всегда подбирая сброд для этих целей, – пьяниц, бабников, но сброд осведомленный, получивший доступ к секретам благодаря связям своих родителей или родителей жены. Это их обычный контингент. Таких можно шантажировать, да они и так охотно идут на предательство, потому что либо в долгах как в шелках, либо просто жадные до денег.

«Ну газетчики ладно, они написали как им велели, – аккуратно складывая старые гранки, размышлял Олег. – Но зачем контрразведчики преподнесли информацию о деле разоблаченного шпиона именно в таком свете? Американцы ведь знали правду. Конечно, наши советские военные специалисты не могли стать инициативниками! Ну как же, советская мораль! Потому журналист так и написал. Это, в общем, понятно, это то, что на поверхности. Однако за всей этой словесной газетной шелухой военные контрразведчики камуфлировали какие-то мероприятия, проводимые с помощью Петрова против его бывших хозяев».

В уголовном деле Петрова подобной информации об «игре» с цэрэушниками и дезинформации, скорее всего, не будет. А будет там упоминание, что Петров активно сотрудничал со следствием, и этого достаточно для того, чтобы ему смягчили срок. Полученные им десять лет довольно снисходительный приговор по тем временам. Могли ведь и высшую меру дать. Американцев-контактеров старлей сдал за милую душу. Поскольку в газете не написано, что американцев взяли с поличным при выходе на связь со своим агентом, а об этом не преминули бы сообщить, стало быть, их выдворили из страны в соответствии с показаниями Петрова и представили американцам достаточно улик, изобличавших сотрудников посольства как разведчиков, энергично действовавших на территории СССР.

– Олег Константинович, – Николайчук тронул Ермилова за плечо, – седьмой час уже. Давайте закругляться. Завтра будет день, будет пища.

Ермилов бросил взгляд на фотографию Петрова в военной форме из личного дела. Здесь же, в папке, лежало несколько карточек, сделанных во время задержания старлея, в первые часы после и, наконец, в зале суда во время вынесения приговора.

Худощавый, высокий, в форме, а на суде одетый в строгий черный костюм и черную водолазку, в очках с металлической оправой. Тонкие черты лица, лисьи глаза. Увидев его на улице, Ермилов сразу подумал бы: скользкий тип. Нет в лице ни наивности, ни искренности, ни живости. Понятно, радоваться при задержании ему было нечему. Но у него выражение лица соответствовало фразе: «Никого нет дома». Абсолютное опустошение и отрешенность, словно и не с ним все происходит. Арест, разоблачение, нависшее дамокловым мечом, ошарашили, и наверняка у него возникло желание исчезнуть, раствориться в пространстве.

Николайчук склонился над Ермиловым, укоризненно вздохнув:

– Домой бы надо попасть. – Он с тоской поглядел на черноту за окном.

– Да-да, – Олег закрыл папку и протянул ее архивисту. – Только один вопрос: Петров выезжал за границу?

Леонид Степанович подвигал бровями, словно это стимулировало его умственную деятельность.

– Если я правильно помню, он был в Конго и в Болгарии. Второй язык у него болгарский.

– Которое Конго? Их ведь два, если я правильно помню географию.

Николайчук вздохнул еще горше, взглянув на часы. Он явно не хотел напрягать извилины по поводу давно закрытого Петрова и уже мысленно садился за кухонный стол у себя дома, раскладывал салфетку на коленях, предвкушая ужин. Олег живо представил себе эту картину и не смог скрыть улыбку.

– Кажется, речь идет о нынешней Республике Конго. Ну да, точно, в семидесятые, когда в Африке был Петров, Конго было одно – то, которое со столицей в Браззавиле. А второе, со столицей в Киншасе, ныне называющееся Демократическая Республика Конго, в тот период называлось Заир.

– В семидесятые? – переспросил Олег. – А сколько же ему было лет? Я так понял, что ВИИЯ, вернее, в то время это уже было ВИМО[7 - ВИМО – Военный институт Министерства обороны СССР.], он окончил в семьдесят восьмом.

– А в семьдесят девятом он уже работал в Софии, – задумчиво подтвердил нестыковку по срокам Николайчук. – Детали его командировок я завтра уточню. Олег Константинович, давай по домам, – взмолился архивист. – Есть очень хочется.

Ермилов почувствовал, что тоже проголодался. И еще сильнее ощутил голод, когда наконец вышел из здания ФСБ и пошел к метро, подняв воротник, пытаясь закрыться от сильного ветра, который дул от площади в узкую улицу как в динамическую трубу. Елки через дорогу нахохлились в снежных шапках, подсвеченные светом из окон нового здания ФСБ, хотя оно уже давно не было новым.

В метро Олег едва услышал пробившийся через гул электрички телефонный звонок. Вдогонку звонил Николайчук.

– Олег, я задержался ненадолго и нашел, что он ездил в Африку всего на месяц или около того в семьдесят шестом. Значит, был еще в то время слушателем.

– Разве их отправляли в такие командировки? Чем он выделялся? За что такая милость? Или наоборот – немилость?

– Скорее, все же милость. У него отец шишка, и у отца большие знакомства. Отец способствовал его поступлению в ВИИЯ и наверняка эту командировку устроил. Такая небольшая прогулка в Африку могла сыграть положительно на будущую карьеру. Так и вышло, раз сразу после окончания института его взяли научным сотрудником в НИИ Минобороны и отправили в загранкомандировку. Правда, Болгария это тебе не Великобритания. И все-таки…

Ермилов вспомнил дурацкую советскую присказку: «Курица – не птица, Болгария – не заграница».

– А есть его отчеты по командировке? Они ведь, наверное, не у нас хранятся?

– В том НИИ, где он служил. Хотя, может, какие-то документы по нему частично перекочевали к нам. Или есть их копии. Я понял твой намек. Буду копать дальше. Еще бы понять, что конкретно тебе надо?

– Все, что только есть по нему, – уклончиво ответил Ермилов.

Как он понимал свою задачу, поставленную ему Плотниковым, надо пересмотреть все материалы, какие есть в архиве о Петрове, пересмотреть под новым углом зрения, с учетом ареста бывшего американского агента в Штатах. Арест, чем бы он ни был обусловлен, многое меняет.

Около подъезда дома Ермилов обнаружил двух субъектов, отдаленно напоминающих сыновей Петьку и Ваську. Они были так облеплены снегом, что выглядели полярниками, попавшими в сильную пургу. Два четырнадцатилетних оболтуса (по виду им можно было дать лет одиннадцать) потеряли ключи от квартиры и куковали у подъезда, подстерегая кого-нибудь из родителей. Олег прибыл первым, чему, судя по их кислым рожам, они были не слишком-то рады. Тем более отец был насупленный и голодный. Это не сулило поблажек.

В лифте Ермилов на них наорал. На ужин удовольствовался яичницей, поджаренной собственноручно, и закрылся в спальне, поставив пластинку Высоцкого. Ему требовалось переварить не только подгоревшую яичницу, но и полученную за день информацию, обрушившуюся на него разом и слегка обескуражившую.

Его подмывало позвонить Меркуловой, но он не мог придумать причину и звонить не стал, памятуя о предостережении Плотникова не связываться с журналисткой без его особых распоряжений. Да и о чем ее спрашивать? «Кто за вами следит?» Она вряд ли воспримет всерьез, разве что посмеется.

Вдруг позвонил Григорьев.

– Плотников велел тебе докладывать, – немного натянуто пояснил он. – Вот я и… Короче, отыскал я дело Старкова, касающееся журналистки. Она не под своей фамилией проходит в отчетах Старкова.

– Как ты тогда догадался, что речь именно о ней? – Олег встал с дивана и поднял тонарм над пластинкой.

– Есть словесное портретное описание, адреса мест, где она бывает, в том числе Останкино. В общем, несложно было догадаться при определенной сноровке. Старкова нанял следить за ней ее муж.

– Кто? – переспросил Олег, бережно протирая поверхность пластинки синей бархатной тряпочкой. – Насколько мне известно, она свободна.

– Ну может, гражданский муж. Тут написано «муж». Так вот этот псевдомуж жаждет узнать, с кем ему изменяет его женушка. И ты, похоже, попал, – Вадим хрипловато засмеялся. – Может, ты в самом деле наставляешь рога с Меркуловой ее супругу?

– Нет у нее супруга, – проворчал Ермилов, пряча пластинку в картонный конверт. Слушать музыку расхотелось. – Есть контакты заказчика?

– А вот, представь себе, нету! – развеселился Вадим. – Ни телефона, ни адреса, ни даже имени и фамилии. Ни-че-го. Одно из двух: либо Старков не стал

фиксировать контакты, либо их не существует, и с заказчиком он будет встречаться, когда тот сам с ним свяжется и назначит место встречи.

– Какой смысл вносить в базу данных агентства информацию о заказе и в то же время утаивать координаты заказчика? Ерунда! Нет тут что-то другое… – Олег обернулся и увидел, что в дверном проеме стоит Люська в деловом костюме, босиком и угрожающе поигрывает лакированным красным портфельчиком.

Она явно слышала разговор. Оценив выражение ее лица, Ермилов пытался вспомнить, что он такое сказал, отчего ее бледное, как у всех рыжих, лицо с высокими скулами и зеленовато-голубые глаза приобрели настолько решительный вид.

– Ермилов, ты не обнаглел вообще? Дома, в нашей спальне, обсуждаешь какую-то дамочку. Дескать, она свободна, у нее нет супруга… Уж не ты ли баллотируешься на роль чьего-то там супруга. А?

– Это по работе, – Олег не собирался оправдываться и пошел в атаку: – Ты вот мне скажи лучше, какие у тебя сейчас дела в производстве?

– Чего это я должна отчитываться? – Люська метко швырнула портфельчик на кресло в углу. – Статья восьмая[8 - Статья 8 ФЗ – закон об адвокатской деятельности и адвокатуре.] Федерального закона – адвокатская тайна, – напомнила она ядовито. – Или ты все перезабыл в своем ФСБ? А ведь был неплохим юристом, подавал надежды… – Люда спряталась за дверцей шкафа и начала переодеваться.

– Короткова, не борзей! Если спрашиваю, значит, надо. У тебя есть какие-нибудь клиенты-уголовники?

– Грубо говоря, у меня все клиенты уголовники, – Люся высунулась из-за дверцы, ослепив мужа белоснежным плечом, пересеченным тонкой розовой бретелькой комбинации. – Предъяви санкцию от прокурора, и я тебе все тайны выдам.

– Сейчас я тебе такую санкцию предъявлю! – грозно надвинулся Ермилов. – Ну-ка признавайся, адвокатесса! – он ткнул двумя указательными пальцами ей в бока так, что смешливая Люська, боявшаяся щекотки, с визгом плюхнулась в шкаф.

– Дурак! – охарактеризовала она Ермилова. – Все платья с вешалок попадали. Вешай сам теперь, а я ужин готовить пойду.

– Ты не ответила!

– И не собираюсь! Что ты привязался? Говорят же тебе, адвокатская тайна. Чего ты вдруг?

Она выбралась из шкафа и надела домашнее платье, превратившись из адвокатессы в домашнюю Люську. Глядя на нее, Ермилов вдруг подумал о журналистке. Он и не сравнивал – Короткова умнее, добрее, а главное, привычнее. И все-таки вспомнил Меркулову.

Люська безошибочно чувствовала перемены в его настроении.

– Темнишь ты что-то, Олег. Нет у меня сейчас ничего такого настораживающего, если ты об этом. Все спокойно. У тебя неприятности?

– Не надо на мне тренировать свою дедукцию. Никаких неприятностей, – Ермилов стал вешать на перекладину в шкафу Люськины платья, упавшие на пол. – Все в штатном режиме. Если не считать, что Петька-паразит ключи от квартиры посеял. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хо-ро-шо».

– Почему я? – раздалось возмущенный возглас из соседней комнаты. – Это Васька!

– Сейчас кто-то по ушам получит, своим наглым, длинным ушам! – громко пообещал Олег.

Петька его особенно раздражал последнее время. У сына ломался голос, он то и дело давал петуха, но главное, у него ломался характер. Он врал напропалую, учился через пень-колоду и выводил отца из себя с методичной регулярностью.

Платья и блузки предательски соскальзывали с вешалок, Ермилов раздражался все больше и больше. Он бросил охапку платьев на кровать.

Разговор с подколками перерос в скандал. Незаметно. Перетек, как ртуть, неуловимо от одного к другому. У Люськи так всегда. Среди ясного неба появлялась вдруг Людмила на грохочущей колеснице, и рыжие волосы развевались у нее за спиной.

Она повесила платья в шкаф сама, а поскольку это сопровождалось нотациями в адрес неряшливого, бестолкового Ермилова, которого она и дети дома почти не видят, к тому же перестраховщика, считающего, что жене не стоит заниматься ничем серьезным, кроме как варить манную кашу и гладить ему рубашки.

Олег взял несколько энциклопедий с полки у кровати и неторопливым демонстративным шагом удалился в ванную комнату – обитель пара и уединения в период, когда Люська носилась по квартире на грохочущей колеснице.

Он бросил несколько полотенец на табурет, включил воду, чтобы заглушить воззвания Люськи ко всем богам, из-за стиральной машины достал старую стиральную доску с металлической ребристой поверхностью и, положив ее поперек раковины, устроил импровизированный письменный стол.

Отыскал Республику Конго в атласе. Оценил ее расположение. Границы с соседними государствами. В те годы, как помнил Олег из истории, неспокойно было почти везде в Африке. Юаровцы, американцы, англичане – все пытались ловить рыбу в мутной воде и особенно в мутной воде Кванзы, протекающей по Анголе. По реке, по быстрому течению несло узкие длинные лодки с чернокожими рыбаками, плавающие острова из веток, вдоль заросших берегов нависали над водой пальмы и папайи. А на берегах среди колючих кустов или мапловцы[9 - МПЛА – Народное движение за освобождение Анголы – политическая партия Анголы, с 1975 года правившая страной, боровшаяся за независимость в гражданской войне.], или унитовцы[10 - УНИТА – Национальный союз за полную независимость Анголы – политическая партия, антикоммунистическая, антисоветская, боролись против МПЛА в гражданскую войну.]. Стрельба, взрывы… Одну сторону поддерживали ЮАР и спецслужбы Штатов, другую – Куба и СССР.

В Конго происходили перевороты один за другим, но при этой возне, борьбе за власть, сохранялась генеральная социалистическая направленность, свое государство конголезцы строили по модели Советского Союза.

Дипломатические отношения с Республикой Конго начались с 16 марта 1964 года, как вычитал в своих справочниках Ермилов. Он вообще был помешан на покупке энциклопедий. В том числе у него были справочники МИДа, справочник милиционера города Москвы, энциклопедии по искусству (в бытность свою на прокурорской работе Ермилов расследовал большое дело о хищении предметов искусства). Олег завалил книгами комнату, полку на кухне и чердак на даче. При этом убеждал Люську, что дома держит только все самое необходимое, ведь зимой на дачу Ермиловы не ездили: летний финский домик не отапливался.

По Африке много справочного материала в библиотечке Олега появилось после его поездки в ЮАР, поэтому он без труда нашел все, что искал. Теперь предстояло понять, каким образом Петров попал в ту командировку и чем там занимался? Опыт подсказывал Олегу, что такой информации в архиве он не найдет. На худой конец, еще что-то будет по Болгарии, потому что сразу по бесславному возвращению оттуда старлея взял в оборот сотрудник военной контрразведки, осуществлявший оперативное обслуживание НИИ, где работал Петров. Начал проверку.

«Нет-нет, – мысленно убеждал шефа Олег, предвидя завтрашний разговор, – необходимо начинать копать с его первой командировки. Может, он конечно просидел в посольстве этот месяц или чуть больше, а что, если нет…»

Дальше додумать Ермилов не успел. Из-за двери раздался елейный голос Люськи:

– Олежек, а ты блинчиков не хочешь? С медом.

«Змея!» – с теплотой подумал он о Коротковой, торопливо складывая книги в стопку.

Когда он вышел, Люська сунула ему ведро с мусором.

– А блинчики? – напомнил Олег жалобно.

– Выбросишь и получишь свои блинчики! – определила приоритеты Людмила.

Глава вторая

Плотников на удивление легко дал согласие на дотошную работу по изысканиям в отношении Петрова, на которую нацелился Ермилов.

Несмотря на то что Петр Анатольевич обладал высоким лбом, обрамленным редкими остатками почти седой шевелюры, утром он выглядел всклокоченным. Все от него что-то хотели, к нему стекались потоки информации, и Олег подумал было, что шеф согласился с предложенным им алгоритмом действий мимоходом, лишь бы Ермилов отстал.

Однако, когда Олег поторопился уйти и уже пересек большой кабинет шефа, тот его остановил:

– Погоди, Олег! Мы уже можем назначить тебя на должность, но торопиться не станем. Это не обсуждается, и можешь не набирать в легкие воздух. Выдохни. Пока нецелесообразно. Ты мне нужен в свободном состоянии. Сам же спасибо потом скажешь, – темнил Плотников. – Да и кстати, не затевай ничего такого, из-за чего я вынужден буду командировать тебя в Африку. Ты, говорят, любитель по заграницам шастать. То тебя, понимаешь, в Лондон английский отдел направлял, то в ЮАР. Ну это товарищ Сорокин у нас такой либерал, – хмыкнул Петр Анатольевич, имея в виду начальника английского отдела. – Со мной подобные маневры не пройдут. Максимум Болгария, и то ты мне должен будешь железно обосновать такую прогулку. Болгария давно уже не советская, а значит, о безопасности говорить не приходится.

– Разрешите спросить?

– Ну! – нетерпеливо подогнал Плотников.

– Чем Болгария, по-вашему, предпочтительнее? Сами же говорите, что не Советский Союз.

Шеф прищурил голубые глаза, как кот учуявший приближение мыши, толстой, пропахшей зерном, которое она беспечно уплетала на поле.

– Руденко там поблизости, твой приятель. В Греции сейчас в резидентуре. Что ты на меня так смотришь? Я обязан все знать – специфика такая.

Олега подмывало спросить, не знает ли Плотников часом, какого цвета у него исподнее, но воздержался, опасаясь, что шеф возьмет и угадает. Так и покой недолго потерять.

Плотников снова удивил Ермилова, когда выяснилось, что шеф уже позаботился о его посещении НИИ.

– В этом НИИ обратишься к капитану Андрею Турнову. Он из нашего московского Управления. Его вчера предупредили. Мой помощник скажет тебе его телефон. Что у них там в НИИ есть по Петрову, тебе дадут. И вообще мне нравится ход твоих мыслей.

…В НИИ Минобороны Олег оказался еще до обеда, созвонившись с офицером безопасности. В кабинете Турнова на первом этаже было темновато. Почти все окно загораживали огромные ветви голубой ели. От ветра они скребли по стеклу, и снегом подоконник был засыпан так, словно это окно стало эпицентром снежного бурана. Изнутри стекло запотело от закипавшего на подоконнике электрического чайника.

Долговязый, несколько нескладный, молодой, но уже с проплешиной в черных волосах, Андрей выглядел слегка напуганным, натянул пиджак, висевший на спинке кресла, принял куртку у Ермилова и сам повесил на плечики в шкаф у двери.

– Дело в том, что мои предшественники, естественно, все наблюдения в виде отчетов направляли в Главк. Там в архиве все и должно храниться. Вам бы лучше встретиться с оперативником, кто работал тут в восьмидесятые. Он бы смог гораздо больше вам порассказать.

– Это верно, – Олег принял из рук Турнова чашку с чаем. – Меня интересует другое. Как я понимаю, Петров работал здесь не так долго. Пришел после окончания института. Через год уехал у Болгарию. А вернувшись в восьмидесятом, уже попал под наблюдение и еще отработал что-то около года до ареста. В общей сложности года два или чуть больше. Хранится ли его личное дело в самом НИИ?

– Сложно сказать, – почесал макушку Андрей. – Скорее всего, его личное дело изъяли, когда арестовали.

Олег пожал плечами. Опираясь на свой прокурорский опыт, он мог предположить, что дело наверняка запрашивали, копировали, и оно, скорее всего, могло понадобиться для суда в большей степени, чем для расследования, как одна из характеристик подследственного. Были ли взыскания, выговоры с занесением… В этом личном деле, написанном сухим канцелярским языком, вряд ли следователь КГБ почерпнул бы что-то полезное для себя. Петров ведь без долгих раздумий стал сотрудничать со следствием.

Ермилова больше беспокоило, что дело могли уже уничтожить за давностью. Сколько времени хранят архивы? С тех пор уже прошло двадцать лет.

– Надо поискать, – настаивал Олег, понимая, что в уголовном деле могут быть только выдержки из личного дела.

– Сейчас, – обреченно кивнул Андрей. – У нас архив в подвале. Надо было, конечно, заранее запрос давать. Ну да ладно…

Турнов оставил Олега в кабинете, а вернулся через полчаса, когда Ермилов уже пересчитал почти все иголки на еловых лапах за окном. Андрей с веселым недоумением протянул полковнику желтоватую папку, довольно тонкую.

– Вы были правы, вот его дело. Не думаю, что в нем содержится хоть сколько-нибудь значимая информация, – в голосе Андрея звучали нотки любопытства и во взгляде читалось удивление: зачем поднимать дело предателя двадцатилетней давности, осужденного, отсидевшего?.. – Теперь будете изымать?

– Теперь, пожалуй, – кивнул Олег, открывая папку. Его интересовало, с какими характеристиками пришел на первое место службы Петров.

«Так, так, – он быстро читал анкету старшего лейтенанта Александра Васильевича Петрова. – Родители… мать… отец… Ну да, парень был блатной… У отца большие знакомства… Родственники за границей – прочерк. Образование… А вот: был за границей в служебной командировке в Конго, работал в посольстве

СССР в Браззавиле переводчиком, – Ермилов раздраженно постучал пальцами по странице, которую читал. Он прекрасно помнил прочитанное вчера:
в Республике Конго два официальных языка – китуба и французский. Что там переводил Петров, владеющий английским и болгарским?

Олегу пришла в голову мысль, что Петрова еще во время учебы в ВИИЯ приглядывали для работы в Генштабе, и командировка стала пробным камнем. Если так, то почему он стал работать в НИИ, а не в военной разведке? Не оправдал доверия?

«Надо отыскать резидента, возглавлявшего резидентуру в тот период в Браззавиле. Только так, – решил Ермилов. – Наверняка у него были наблюдения за молодым «переводчиком». Хорошо бы он поделился ими. Но двадцать лет… Жив ли, здоров резидент и, главное, захочет ли говорить? Узнать бы, кто в тот период там был из сотрудников ГРУ? Плотников наверняка посоветует мне купить машинку для закатывания губ, которые я по прокурорской привычке раскатал. Приду, предъявлю ксиву, и всё мне выложат как на духу. С нынешним контингентом, того и гляди, как бы самому не оказаться в роли подопытного кролика. Со всеми их психологическими приемчиками. Вот ведь и про Руденко шеф узнал».

Крамольную мысль о том, что Руденко пишет о дружбе с Ермиловым в своих отчетах, Олег отбросил, хотя догадывался, что о своих связях Алексей и в самом деле отчитывается. Но как бы то ни было, источники у Плотникова свои, вряд ли контрразведка имеет доступ к отчетам сотрудников СВР. Хотя кто знает.

С папочкой под мышкой, завернутой в полиэтиленовый пакет, оскальзываясь на плохо расчищенном от снега тротуаре, Ермилов вышел из НИИ, прошел по двору до массивного КПП на выходе, пребывая в задумчивости. Как бы ему сейчас пригодился совет Руденко, а еще лучше его связи.

Звонок Меркуловой застал его врасплох. Он смотрел на дисплей мобильного, где высветилось «Журналист», и не знал, что лучше – ответить или сделать вид, что не слышит.

– Да, – все же отозвался он.

– Здрасьте, это Олеся. Что же вы притихли? Дело столетней давности, чего там за тайны? Такой материал горит… Майкл звонил, торопит. Говорит, что сейчас деньги спонсор дает, а если через несколько дней не будет заключен договор, деньги уйдут на другой проект. Мне хотя бы на уровне «да-нет» ответить.

Ермилов вздохнул, поглядел на папку с личным делом Петрова и принял спонтанное решение, как лучше преподнести отказ:

– Скорее, нет. Зачем вам этот Моран? Нужен эксклюзивный материал? Вы его получите через время. Бортаните конкурента, только деликатно, чтобы он не заподозрил, что вы продолжите работу в этом направлении, но без него.

У Ермилова душа ухнула в пятки при мысли, как откомментирует Плотников решение еще несостоявшегося старшего инспектора довериться журналистке. Что, если она дословно передаст разговор с Ермиловым своему заморскому коллеге? Но Олег был уверен, что уж если не ее ум, то корыстный интерес сыграет роль, и она преподнесет все Морану так, как надо. Не вызывать же ее на Лубянку, чтобы она дала подписку о неразглашении. Она задаст справедливый вопрос о неразглашении чего, ведь она не является носителем секретов.

Олег догадывался, что Плотников придерживает Меркулову, чтобы проверить, не связывает ли ее с американцем нечто более серьезное, чем профессиональные журналистские интересы. Но больше Ермилова беспокоила вторая сторона этой же медали. Убедившись, что Моран не просто журналист, Плотников наверняка не удержится от соблазна задействовать Меркулову втемную для дезинформации цэрэушников.

Ермилов понимал, что так и надо работать – использовать даже малейшую возможность провести оперативную игру ради интересов своей страны. Но Олегу не нравилась идея привлекать для этих целей Олесю. При всем своем занудстве и постоянном самокопательстве он тем не менее хорошо разбирался в людях. В случае с Меркуловой Ермилов был совершенно уверен, что уж если пользоваться широкими возможностями прессы и телевидения, то такой человек, как Меркулова, будет намного эффективнее сотрудничать, осознавая объективную пользу своей работы. Профессия накладывает свой отпечаток – Олеся в меру нахрапистая, пронырливая, смекалистая, но во время их немногочисленных встреч он убедился, что она всегда останавливается перед красной линией, обозначенной Ермиловым и не стремится узнать больше, как бы

ее ни подмывало. Какая-то внутренняя интеллигентность…

Поймав себя на том, что глупо улыбается своим мыслям о Меркуловой, протягивая пропуск солдату на КПП, Олег насупился, остро осознав, что Плотников устроит сегодня ему публичную порку. В конце концов, может у него быть свой контакт в журналистской среде? И ему решать, какие подходы подбирать к своему потенциальному агенту. Но утешение показалось вялым. Успокоило только то, что кожа у Ермилова за годы работы в прокуратуре задубела, били его регулярно и крепко и чаще всего несправедливо. Однако тут Плотников все обоснует так, что можно и со службы ненароком вылететь за самодеятельность. Ну а уж выговор ему обеспечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ДВКР – Департамент военной контрразведки ФСБ России.

2

ЦОС – Центр общественных связей ФСБ.

3

PTT – Push-to-talk (англ.) – нажать, чтобы говорить.

4

«Ублюдок» (жарг.) – АКСУ – автомат Калашникова складной укороченный, предназначенный для ближнего боя и штурмовых операций.

5

Статья 319 УК РФ – оскорбление представителя власти.

6

To the right hands – в правильные руки.

7

ВИМО – Военный институт Министерства обороны СССР.

8

Статья 8 ФЗ – закон об адвокатской деятельности и адвокатуре.

9

МПЛА – Народное движение за освобождение Анголы – политическая партия Анголы, с 1975 года правившая страной, боровшаяся за независимость в гражданской войне.

10

УНИТА – Национальный союз за полную независимость Анголы – политическая партия, антикоммунистическая, антисоветская, боролись против МПЛА в гражданскую войну.

Купить: https://tellnovel.com/degtyareva_irina/vyzovite-posla

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити